

Руслан Галеев

Черепеховый суп

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182083

Руслан Галеев. Черепеховый суп: Литпром, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-903873-08-1, 978-5-271-23497-2

Аннотация

Плоская Земля покоится на спинах трех слонов, которые, в свою очередь, попирают ногами исполинскую Черепеху. Человечество – просто нарост на ее спине. А на Земле в результате ядерных войн образовалась зона заражения – Эпицентр. Герои романа «Черепеховый суп» – сталкеры. Они должны, преодолев все опасности и сразившись с монстрами, которыми кишит Эпицентр, доставить Полковнику ценный груз. Что это за груз и чем закончится трип?

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	7
1. Большое кольцо	7
...2. Клуб анонимных свидетелей	10
3. Марта	13
4. Колесо Жака	15
5. Зонтичный Человек	17
6. « I Did It My Way»	19
7. Трасса «1969»	21
8. Флэшбэк	23
9. «Road Movie»	27
10. Фунты лиха	29
11. Нарколепсия – сон разума	32
12. Я, дорога, мой ЗИС	34
13. Дорога всегда одна	36
14. Березовый сок	38
15. Ногти	41
16. Оранжевые пунктиры	43
Часть вторая	44
17. Солнце и вода	44
18. Противоречие	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Руслан Галеев

Черпаховый суп

*Анатолию Машкину, благодаря которому эта книга была написана.
Евгению, благодаря которой я пишу.*

ПРОЛОГ

Ветер с севера, с гор. Это плохо...

В этом климате нет времен года, нет сезонных вещей. Но иногда с севера приходит ветер, и через несколько часов все затягивает туманом. Дома и одежда пропитываются сыростью, а в воздухе носится запах плесени. Уже через пару дней такая погода начинает действовать на нервы, а через неделю обнаруживаешь, что ты пьян и бросаешься на стены. Кажется, что за эту неделю сырость проникает в мозг и оседает там, но никакими дозами алкоголя ее не вытравить. А наркотики я никогда не воспринимал как выход. Да и не достать их в этом городе.

Здесь пьют. Этим все сказано. Просто до хрена всего сказано. В городе Самерсене с народонаселением в семь с половиной тысяч человек пьют все: хлебоборобы, рыбаки, придурковатый викарий. Викарий – даже больше остальных. Наверное, потому что умнее... Здесь пустая жизнь. Пустая и мало чем отличающаяся от скотской. Единственное, что держит меня в этом забытом Богом болоте, – одиночество и относительная недоступность для тех людей, с которыми я провел большую часть жизни. Вернее, для всего одного человека. Женщины, которую я боюсь больше самой смерти, женщины, которая стала для меня олицетворением худшего.

А одиночество... Что ж, я не самый общительный человек и не люблю, когда лезут в мою жизнь. А здесь все: и рыбаки, и хлебоборобы, и викарий – одиноки, в какие бы группы и группировки не сводило их ежевечернее пьянство: глубокое, в ноль, до потери мировосприятия. Здесь пьют, чтобы еще глубже уйти в себя. Чтобы отгородиться рвотными судорогами и жесточайшим похмельем от унылой жизни двуногого скота. Уйти в искусственную пустоту от пустоты абсолютной. А наркотики – всегда попытка выйти за грань, только какие здесь к черту грани...

Я сбежал в Самерсен три года назад... И за эти три года ничего не изменилось. Ничего. Но я почти привык.

Единственное, с чем мне так и не удалось смириться, – так это с туманами, пригоняемыми северным ветром со стороны гор. Однако на сей раз я намерен уйти раньше, чем начнется ветер. Сбежать. Надолго. Возможно, навсегда. Знаете, мне хватило этих трех лет, настоящему хватило.

На прикроватной тумбочке телеграмма. Я смотрю на нее и, черт побери, я рад ее видеть. Такая допотопная вещь во времена World Wide Web. Три года я боялся ее получить, а теперь думаю, что она – мой билет из этой жизни, в которую я, кажется, начал прорастать.

Лопаста вентилятора с тупой настойчивостью молотят воздух под потолком. Занавески на окне вяло шевелятся... Стол, печатная машинка, сотни две исписанных страниц, никому кроме меня не нужных. Панцирная кровать, стул, тумбочка. Окно с видом на опостылевший пейзаж: убегающие к горизонту холмы, поросшие жесткой, как свиная щетина, травой. Через неделю их лицезрения теряешь всякий контакт со временем, и факт бессмысленного существования донимает тебя уже только по привычке. А если и шелохнется что-то в глубине души, то это легко заглушить алкоголем.

Это замкнутый круг. Постоянное пьянство жителей Самерсена превращает жизнь в бесконечно унылую череду дней, сбежать от которой здесь можно только в алкоголизм. Я тоже пью. Не так много, как остальные, но все-таки пью. Еще спасают привезенные из убогого городского магазинчика книги. И моя рукопись, которая никогда не будет опубликована, потому что, если честно, в ней я подставляю многих людей. (Но Полковник сказал мне: «Кто-то же должен об этом написать!») Если в не книги и рукопись, я пил бы, как все. Глядя на

викария, я понимал, что такой момент рано или поздно наступит. И наступил бы, не получи я телеграмму...

Беда в том, что уже через пару месяцев пребывания в таких местах, как Самерсен, уехать очень сложно. Да, вы ненавидите их. Но все равно в них вращаете. Они пропитывают вас – точно так же, как туман пропитывает одежду. И становится страшно что-то менять...

Дверь открывается без стука, и в комнату неуверенной походкой входит викарий. На пороге он застывает и упирается раскалиброванным взглядом в собранный рюкзак на кровати, лежащий рядом дробовик и связку ключей.

– Макс... Ты уезжаешь?

Я молча закидываю рюкзак за спину, в левую руку беру помповик, в правую – ключи. В рюкзаке – рукопись. Викарий не сводит взгляда с теперь уже пустой кровати. Белье и матрас скатаны в рулон, под голой сеткой – прямоугольник пыли.

– Последись за моей берлогой, приятель? – спрашиваю я уже из коридора...

Часть первая ROAD MOVIE

1. Большое кольцо

– Куда прешь, твою мать! Убери свое корыто с дороги!

Несколько лет назад, до того, как мне пришлось осесть в Самерсене, я точно так же материл деревенских водил, вечно путающихся под колесами на оживленных трассах. Теперь я и сам плохо ориентируюсь на Большом кольце. Поэтому не реагирую на окрики. Задевает только одно. Моя машина *не* корыто. Потому что настоящий ЗИС-110 1951 года выпуска, который я перебрал по винтику своими руками, – это машина, которой можно, более того, нужно гордиться... Хотя, возможно, с высоты какого-нибудь тракера-дальнобойщика или тяжело груженного лесовоза любая машина, не превышающая в холке диаметр их колеса, кажется корытом. И все же я оставляю за собой право оспаривать данную точку зрения.

Этот ЗИС – все, что у меня осталось от прошлой жизни. Вернее, все, что мне оставили... Потому что три года назад ни этого ЗИСа, ни меня уже не должно было быть. Но писать об этом сейчас мне не хочется. Всему свое время.

И все же, как ни крути, выехать после трех лет езды по сельским дорогам на Большое кольцо – не так легко, как кажется на первый взгляд. И тем утром мне довелось испытать это на собственной шкуре.

Я не успел вовремя перестроиться в правый ряд и начал спешно притормаживать ближе к повороту. Тогда-то на меня и обрушился оглушительный вопль раненого слона. Ехавший следом грузовик «Scout» явно не ожидал таких нелепых (действительно нелепых) маневров со стороны летящего на бреющем «корыта». Он выдавил из своих тормозов все, что мог, но инерция огромного, забитого контейнерами прицепа повела его юзом. Гигантское чудовище с колесами в два моих роста летело на мой антикварный ЗИС, и тяжело груженный прицеп начало заносить влево (я увидел, как затормозил и, кажется, успел от него увернуться какой-то потрепанный «форд»). Вцепившись в руль побелевшими пальцами и вдавив педаль газа едва ли не в асфальт, я заставил ЗИС втереться между визжащим тормозами «фольксвагеном» и дряхлой «ладой» с тонированными стеклами.

В зеркало заднего вида я заметил, как из остановившегося грузовика вылетел водитель в брезентовом комбезе. Он что-то орал и махал руками, но я решил не реагировать. Тем более что был занят – вытирал с лица капли ледяного пота.

Я не испугался водителя грузовика. Жизнь в Самерсене превратила меня в пилота «корыта» и отчасти сказала на моих умственных способностях. Но драки в Самерсене так же обыденны, как и само пьянство. Хлеборобы против рыбаков, тиффози одного клуба против хулз другого, белые против цветных, христиане против мусульман, кто угодно против кого угодно. Особенно по пятницам, когда одного алкогольного дурмана уже недостаточно, чтобы снять напряжение минувшей рабочей недели.

Так вот, я очень старался держать себя в форме. Каждую пятницу выходил из дома, шел в «Эй, не спать», потягивал пиво и ждал. А потом присоединялся к толпе. К хлеборобам, рыбакам, тиффози, христианам, мусульманам, белым или желтым, – к кому угодно. Я не мог позволить себе потерять форму, потому что верил – рано или поздно я получу телеграмму...

Так что дело было не в возможном спарринге с брезентовым водителем грузовика. Просто в тот самый момент, в ту самую секунду, когда «Scout» издал вопль раненого слона,

меня накрыло яркое воспоминание. Ровно три года назад огромный лесовоз точно так же летел на мою машину... Только тогда это не было случайностью или следствием моей растерянности на дороге, а лесовоз – не тормозил.

Короче говоря, я ушел с Большого кольца, нашел ближайшую парковку и остановился. Время поджимало, но ехать дальше в таком состоянии не стоило. Одна сигарета, решил я, вдавливая прикуриватель...

Три года назад я очень любил две трассы: «1969» и Большое кольцо. Стремительное движение, круглосуточный непокой, постоянная необходимость маневрировать, особенно в будни, когда все куда-то торопятся, – хорошая разрядка, лучше любой пьяной драки в Самерсене. Нужно постоянно быть начеку, ведь в зажатом меж бетонных плит ущелье скоростного шоссе какой-нибудь стальной диплодок, типа лесовоза или рефрижератора, так и норовит подмять твою машину, втереть ее в асфальт, разложить на составные части. А когда устает от напряжения – сворачиваешь в любой радиал и находишь парковку. Обычно, остановившись, я доставал с заднего сиденья ноутбук. После бешеной гонки на выживание легко писалось о другой территории, где смерть была привычна, как пища, и ничем не напоминала игру. Там вообще играми не пахнет.

Краткая географическая справка (исключительно по просьбе Полковника). Земля, разумеется, плоская. Она покоится на спинах трех слонов, которые, в свою очередь, попирают ногами Великую Черепаху. Астрономы детально изучили видимую часть панциря Черепахи, однако головы никто никогда не видел. Есть мнение, что Черепаха давным-давно сдохла, и по океану плывет только непотопляемый панцирь. Лично я видел его только на фотографиях в Интернете. А вот бивни слонов с нанесенным на них точечным рисунком созвездий однажды лицезрел собственными глазами, что называется, непосредственно. Для этого пришлось раскошелиться на экскурсию по Международному космическому комплексу и заглянуть в святая святых: в зрачок исполинского телескопа МКК-3000.

Описывать увиденное и то, что я при этом почувствовал, – не стану. Слава богу, существуют вещи, которые невозможно описать словами. Низвести до слов. Если ваша цивилизация достигла того уровня, когда можно увидеть рисунок созвездий на бивнях слонов, – вы меня поймете.

Далее. Геополитическая информация. Земля имеет форму диска, ныне ее территория разбита на четыре зоны влияния – метрополии. По большому счету это зоны влияния четырех мегаполисов: Вашингтон на западе, Москва на севере, Токио на востоке и Абу-Даби на юге.

Ну, а центр планетарного диска занимает Неподконтрольная Дистанция, которую в просторечье окрестили Эпицентром. Ранее здесь располагалась пятая метрополия – зона влияния богатого и прекрасного мегаполиса Нагасаки. Однако во время последней войны на нее было сброшено неопределенное количество рождественских бандеролей с милыми упаковками продуктов полураспада. В результате чего, собственно, и появилась Неподконтрольная Дистанция. Насколько мне известно, с тех пор на территорию Эпицентра отправили несколько научных и с десятков военных экспедиций, ни одна из которых не вернулась обратно. Что меня несколько не удивляет... Мне ведь хорошо знакомо это место. Как и любому сталкеру.

Я прикурил вторую сигарету от окурка первой, выключил кондиционер и опустил стекла. В лицо ударил пропеченный воздух Большого кольца, насквозь пропитанный выхлопными газами... Эта трасса проходит по всему внешнему радиусу диска, и поступающие извне воздушные массы загоняют выхлопы внутрь. Думаю, если в зоне видимости астрономических приборов вдруг окажется другая Черепаха, несущая планетарный диск (как в 1844 году), то Земля будет выглядеть как мутное марево, увенчанное дымной шапкой. Цивилизация – тоже своеобразный двигатель внутреннего сгорания.

Слева от моего ЗИСа припаркован «фольксваген-жук» канареечного цвета. Но не легендарная машина, символ эпохи и тому подобное, а современная пародия на нее, похожая на брелок от ключей. Справа место свободно, а сразу за ним – пафосный черный «бентли» с настолько затонированными стеклами, что кажется – их и вовсе нет. За «бентли» – сплошной поток ответвившегося от Большого кольца радиала. Броуновское движение многочисленных «лад», «мерседесов», «фордов» и прочего моторизованного железа; дорожное ограждение выполняет функции демонов Максвелла. Ну а выше – только Солнце, мертвой хваткой вцепившееся в зенит. Оно плавит стекла пролетающих машин, бьет и сквозь тонировку, и сквозь солнцезащитные очки...

Докуриваю, поднимаю стекла, включаю кондиционер. Нажимаю «play» на панели олдовой магнитолы. Дик Дэйл избавляет меня от необходимости слушать звуки Большого кольца. На ручных часах, болтающихся на зеркале заднего вида, – 12.42. Паром отходит через час восемнадцать минут.

...2. Клуб анонимных свидетелей

По мере удаления от Большого кольца поток становится менее плотным, а скорость из-за многочисленных ограничительных знаков падает.

Минут через сорок выхватываю взглядом указатель с аббревиатурой «WZ-001». Понятия не имею, что это значит, но если верить дорожному атласу, именно эта трасса мне и нужна. На сей раз вовремя меняю ряд и поворачиваю без эксцессов.

Сразу после поворота на обочине приткнулась полицейская машина. На ее стеклах – такая же густая тонировка, как у того «бентли» на парковке. И это не единственная черта, объединяющая криминалитет и правоохранительные органы. Их отношения можно охарактеризовать как «единство (но, к сожалению, не борьба) противоположностей». Симбиоз на базе общих интересов.

Как только мой ЗИС минует поворот, из полицейской машины выползает снудый, похожий на пассивного гея полицейский и дает отмашку. Я послушно поворачиваю к обочине, правой рукой рефлекторно проверяю положение охотничьего ножа «Ozzy» на поясе. Стрелять у всех на глазах из помпового дробовика – глупо. Потому что, во-первых, как минимум еще один полицейский остался в машине дожевывать пончики, а во-вторых, трасса недостаточно пустынна, чтоб можно было без палева замочить представителя правопорядка. Слишком много среди нас так называемых анонимных свидетелей правонарушения. И не знают этого только те, кто никогда не преступал закон. Даже по мелочи, например, нарушая правила дорожного движения или стреляя по бутылкам из пневматики. Такие свидетели куда менее могущественны, нежели, например, масоны, но результаты их деятельности зачастую гораздо более разрушительны.

В принципе, никакой опасности этот полицейский представлять не может. ЗИС в порядке, номера новые, документы в наличии. Так что движение мое было исключительно рефлекторным. И это прекрасно, это значит, что я еще не окончательно раскис в самерсенском болоте. Что касается оружия, то необходимые документы были выписаны *официально* на мое имя по нынешнему паспорту самерсенским окружным паспортным управлением. Это обошлось мне всего в один ящик не слишком дорогого виски...

– Ваши документы, – с ходу начинает полис, забыв представиться и приложить ладонь к козырьку.

Я молча протягиваю в окно документы и ставлю магнитолу на «mute». Полис изучает поочередно права, карточку техосмотра, страховку. Документы на оружие – особенно внимательно. Идиот. Я подготовился тщательно, и подделку среднестатистической аппаратурой не различить. А к высокочувствительной таких, как этот полис, не подпускают. Иначе кто-то из них может нажать из любопытства кнопку, и Земле придет конец.

– Что-то не так? – спрашиваю я исключительно ради проформы.

– У вас с собой помповое ружье и охотничий нож?

– Да.

– Я-а-асно, – тянет полицейский, и его глаза стекленеют.

Он судорожно пытается придумать, как вытянуть деньги. И если бы меня не поджимало время, ему бы ничего не светило. Но я не имею права опоздать на паром, так что, возможно, раскошелиться придется.

– Оружие в багажнике? – уточняет он.

– Ружье – да. Нож на поясе.

– Почему?

А он совсем обнаглел, этот похожий на гея полицейский. Похоже, начитался дешевых детективов.

– Могу я узнать, почему вы задаете такие вопросы?

– Нет, – говорит полицейский с улыбкой ничтожества, у которого появился шанс показать свою власть. К сожалению, это характерно не только для таких вот недалеких представителей общества. Не знаю уж, где искать корни тенденции, учитывая, что большинство людей все-таки подозревают, что дерьмо в любой упаковке остается дерьмом и легко определяется по запаху.

– Нет, – повторяет полицейский и продолжает улыбаться. – Так вы всегда носите при себе нож?

– Да, – отвечаю я и безмятежно улыбаюсь.

Полицейский снова надолго задумывается, а в моей голове мелькает мысль о том, что, может быть, черт с ними, с анонимными свидетелями...

– Откройте багажник и выйдите из машины, – командует он.

– Ну, вот что, – говорю я и вздыхаю.

Этот вздох я обрабатывал еще в годы бурной молодости, когда общаться с тугодумами-полицейскими приходилось едва ли не ежедневно. Он означает: «Я, разумеется, все понимаю и ни в коем случае не оспариваю ваше право проявить служебное рвение. И все же пошли бы вы на хрен, уважаемый».

– Я вижу, – говорю я, – тут какое-то недоразумение. Надеюсь, вы не будете возражать, если я позвоню своему адвокату? – Адвоката у меня никогда не было, но сейчас это не имеет значения.

На плоском лице полицейского отражается очередная попытка обдумать ситуацию.

– То есть, – чуть ли не по слогам произносит он фразу, которую вычитал в дешевом детективе, – вы отказываетесь открыть багажник?

– Ни в коем случае. Я открою его. Но только в присутствии своего адвоката.

Полис как-то растерянно посмотрел на меня, затем снова открыл права и начал что-то переписывать из них в блокнот. Пусть его пишет. До паромов меня вряд ли еще раз остановят, а потом я окажусь в ведении другого муниципального округа.

Возвращая документы, он говорит обиженно:

– Думаю, вам еще придется пообщаться с полицией нашего округа.

Разумеется, попрощаться он тоже забыл. Последовательный сукин сын...

Случись подобное в более глухой местности, ни вздохи, ни упоминание об адвокате меня бы не спасли: чем менее оживленно, тем более размытой становится грань между законом и криминалом. Но тут, в непосредственной близости от Большого кольца, а значит, и посторонних глаз, полицейские вынуждены себя держать (хотя бы относительно) в рамках закона. Они ведь тоже опасаются анонимных свидетелей правонарушений.

Беседа с полицейским заняла немало времени, и я оказался в цейтноте. Пришлось срочно выдавливать из себя пилота «провинциального корыта». Спасибо инстинкту самосохранения менее провинциальных водителей, да еще, пожалуй, моим просыпающимся рефлексам (в куда меньшей степени), до цели я добрался благополучно.

На паром под хмурым взглядом паромщика с помятой сигаретой в зубах я въезжал последним. Солнце как раз перевалило через зенит и теперь лениво разбрасывало ртуть по гофрированной поверхности реки. Я отыскал свободное место на втором ярусе, поставил ЗИС на ручной тормоз и опустил солнцезащитный козырек.

Паромщик Жак и глазом не моргнул при виде меня, но я знал, что мы пообщаемся. Позже. Славный он парень и далеко не дурак. Думаю, мы могли бы стать хорошими друзьями, будь у нас возможность общаться почаще до того, как мне пришлось затаиться в Самерсене...

Мой дредноут оказался между новенькой «ауди» и древним «фордом» естественного ржавого цвета и, на мой взгляд, добавил этому автоиндустриальному кадру определенный

налет аристократизма. В «форде» дремал, надвинув шляпу на глаза, типичный представитель местного фермерства. В «ауди», положив книгу на руль и высунув в окно руку с тлеющей ультратонкой сигаретой, восседала отроковица лет осмнадцати с по-детски курносый гладеньким личиком, уже, впрочем, слегка подпорченным флером интеллигентного блядства. Ни тот, ни другая никак не отреагировали на мое появление. Меня это вполне устраивало.

3. Марта

Под мерное качание парома на меня наваливалась тяжелая, грозящая головной болью дрема. А вместе с ней и образы, которых я тщательно избегал.

Там, в Самерсене, была женщина. Марта... Жена фермера с хутора на окраине.

Марту выдали замуж чуть ли не в пятнадцать лет. Ко времени нашего знакомства ей было двадцать семь. Трое детей, хозяйство, ранние морщины и периодически обновляющиеся синяки на теле. Иногда Марта не могла вспомнить, за что муж избил ее на этот раз.

Она приезжала в город раз в две недели – заказать кое-какие вещи и забрать заказанное в прошлый раз. А потом приходила ко мне. Ненадолго – на час, иногда немного задерживалась. И я ждал ее. Каждый раз... Она – это все, что было у меня в те странные три года моей жизни. И подозреваю, я – это все, что было у нее. Так сложилось. Нас и толкнула-то друг к другу безысходность: каждый пытался найти в этих скоротечных, часто безмолвных встречах что-то свое.

Марта перерезала себе вены несколько месяцев назад. Я не знаю, была ли тому конкретная причина или она сделала это потому же, почему приходила ко мне. Но каждый раз, думая о ней, я чувствую себя последней мразью. Я ведь всегда держал за пазухой надежду, что рано или поздно свалю из Самерсена. А у нее такой надежды не было, у нее вообще не было никакой надежды. В том числе и на меня. Мы оба знали, что если я уеду, то один...

Она приезжала рано, с одним из первых автобусов, шла по магазинам, в ателье, еще куда-то. А через час черным ходом приходила ко мне. Дом, где я снимал квартиру, стоял на отшибе, а задняя дверь и вовсе выходила в сторону болот. Марту никто никогда не видел...

Она сбрасывала пальто прямо на пол, а я покрывал жадными поцелуями ее лицо, шею, руки... Я чувствовал себя джанки, получившим долгожданную дозу... Полностью обнаженной я видел Марту только в самый первый раз, позже мы не тратили время на раздевание. Нам всегда его не хватало. Я так и запомнил ее: в расстегнутой блузке, с задранной юбкой, с разбросанными по подушке русыми волосами. У нее было прекрасное тело, она вообще была очень красива, со всеми своими ранними морщинами. Но мне нужно было не ее тело, не скоропалительные совокупления. Все это я легко мог получить в городском бардаке. Марта была моим глотком воздуха, спасительной инъекцией. Я мог бы любить эту женщину, но любил то ложное ощущение счастливой амнезии, которое она мне приносила.

Марта была моим лекарством. И одновременно ядом, который пропитывал мою жизнь... Алкоголь и обыденность – лучшие лекарства от надежды. И если бы Марта не покончила с собой... я бы, наверное, смирился с жизнью в этом болоте, и никакая телеграмма уже не смогла меня оттуда вытянуть. Смерть Марты стала оплеухой, заставившей меня очнуться. После этого я готов был уехать в любую минуту...

Паром пересекает реку не строго перпендикулярно, а сильно забирая вверх по течению. Я открываю глаза и вглядываюсь в лобовое стекло, пытаюсь разглядеть кройцбергские дома. Здесь все иначе, не так, как в Самерсене. Наверняка у этих людей тоже есть свои черные дни, свои камни, тупики и айсберги. Иначе не бывает. Уверен, что даже у домашних канареек, отупевших от обилия комбикорма и редких свободных полетов по квартире с целью обгадить-таки видимое через решетку, – даже у этих рафинированных пичуг имеются свои Сцилла и Харибда. Но от кройцбергских домов на той стороне реки не разило такой безысходностью, как от фермерских лачуг Самерсена. А город, из которого мне удалось сбежать, весь – от осевших фундаментов до загаженных голубями крыш – пропитался тоскливой плесенью. Но самое главное, самое, мать его, страшное:

он оседал в душах людей. Они же там, в Самерсене, все поголовно, как зомби. Серые тени, а не люди. Их глаза никогда не горят, только слезятся с похмелья, а сердцебиение

учащается лишь в предвкушении очередной порции средства, помогающего спрятаться от самих себя! Я жил в этом сером цвете, я сам был им, я лакал и сблевывал его. Я хорошо с ним знаком.

А в кройцбергских домах обитало какое-то необъяснимое счастье. Мне было приятно разглядывать игрушечные постройки на противоположном берегу. Глядя на них, хотелось улыбаться.

Последний раз я улыбался четыре месяца назад, глядя в глаза Марты. Все уже закончилось, но она продолжала сжимать мою спину бедрами, и наше неровное хриплое дыхание смешивалось с запахами пота и специфическим духом моей холостяцкой норы. Мы улыбались, глядя друг другу в глаза, и ни о чем не думали. Это было главным условием наших встреч – не думать ни о чем. Это было единственное, для чего мы встречались. По крайней мере, я...

4. Колесо Жака

Паром миновал буи, обозначающие границы территорий разных муниципалитетов. Я вылез из машины, закурил и неторопливо двинулся к рубке. Жак с неизменной сигаретой в зубах не отреагировал на мое появление. Он стоял около рубки, облокотившись о поручни, и хмуро вглядывался куда-то вдаль, точно пытаюсь найти там причину своего плохого настроения. После того как все паромы на реке оснастили электронным оборудованием, должность паромщика стала чисто номинальной. Иногда, особенно весной, в период таяния снегов, когда река переполняется и меняет очертания берегов, Жаку удается встать к штурвалу и снова почувствовать себя первым после Бога. Остальное время он уныло курит, облокотившись о поручни. Три года назад, во время нашей последней встречи, Жак клялся, что еще месяц-другой, и он свалит с этой неблагоприятной работы. Он верил, что место для него всегда найдется. Но я знаю: Жак никогда не покинет паром по собственной инициативе. Он, как и его древняя посуда, навсегда привязан к давным-давно не существующему паромному тросу, растянутому между берегами.

Я встал рядом с Жаком, облокотился о поручни. Он проговорил едва слышно, не вынимая изо рта сигарету:

– Значит, больше не прячешься?

– Значит, так и мотаешься? – вопросом на вопрос ответил я.

Жак кивнул.

– Так и есть.

– Ты совсем не изменился, приятель.

– Угу. – Жак сплюнул окурочок на палубу и аккуратно растоптал. Он терпеть не мог, когда мусор бросали в реку, даже если это был просто окурочок. Однажды какой-то придурок слил за борт полканистры масла. Жак сломал ему челюсть. Молча. В трех местах. Не потому, что был фанатичным экологом. У него были свои причины.

– Я, брат, сейчас в таком возрасте, когда меняться либо уже поздно, либо еще рано. Прыщи сошли, но хрен еще стоит. А ты как? Просто прогуляться или...

– Или.

– Угу. Ну, удачи.

– Спасибо.

Жак оттолкнулся от поручня и неторопливо двинулся к рубке. До пристани оставалось не больше трех минут хода, и паромщику надо было выполнять свои обязанности. Я докурил и, точно так же оттолкнувшись от поручня, побрел к своему ЗИСу.

Поскольку в этой истории паромщик Жак больше фигурировать не будет, мне бы хотелось кое-что о нем рассказать. Просто потому, что он на самом деле отличный дядька и, доведись нам чуть больше и чаще общаться, мы могли стать хорошими друзьями. И будь у этого мира чуть больше будущего – тоже. Ну а раз все вышло так, как вышло, я просто расскажу историю этого парня, которую подслушал в одной из забегаловок неподалеку от кройцбергской пристани. Во время последней войны Жак точно так же работал паромщиком, правда, значительно выше по течению. Его семья –

жена и двое дочерей – жила в одном из кройцбергских домишек на левом берегу.

Каждое утро Жак садился на старый, купленный по случаю, трофейный мотоцикл «ДКВ» и мчался в соседний городок Вально. Там он оставлял чудо инженерной мысли во дворе у приятеля и пересаживался в вахтенный «фердинанд». Автобус отвозил горнорабочих к Вальновским угольным разработкам, рядом с которыми в первые же годы войны была построена паромная переправа. Военные автокараваны доставляли с Большого кольца солдат, боеприпасы, медикаменты и военную технику, а Жак переправлял все это на левый берег.

Там он забирал госпитальные машины с ранеными и порожние грузовики и вез их на правый берег. И так – с пяти утра до девяти вечера все 365 дней первого года войны.

За это время линия фронта трижды приближалась к Вально и Кройцбергу и трижды отбрасывалась назад. Причина понятна – максимальное сближение берегов, облегчающее переправу, и близость Большого кольца. Но лишь однажды крестоносцам удалось захватить этот район. Всего на три дня. К Вально и Кройцбергу прорвалась легендарная по жестокости и бесчеловечности «Verfault Stoff». Все произошло стремительно, никто из жителей не успел выехать. А доблестные рыцари «Verfault Stoff», помимо непосредственной задачи удержания стратегически важного плацдарма, занялись «прославившим» их крещением. Огнем, мечом и водой. Улицы Вально и Кройцберга почернели от крови. Дома превратились в семейные склепы. А молодых, способных рожать женщин и девчонок загнали на паром, вывезли на середину реки и утопили. Их просто приковали к огромному пароходному колесу и сбросили его в воду. Смерть вообще не склонна к усложнениям.

Второй год войны был единственным годом в жизни Жака, когда он не работал на пароме. Он ушел на фронт. Сначала с какой-то трупперской бригадой. Потом его перевели в диверсионный корпус генерала Омана. И среди крестоносцев поползла легенда о свирепом Жаке.

Жака не посылали за «языками» – он всегда проваливал такие задания. Его отправляли только туда, где никто не должен был выжить.

Под конец второго года войны он демобилизовался с тяжелой контузией. Вернулся к реке и снова устроился паромщиком. Но из Вально перевелся в Кройцберг. Так и водит с тех пор свой паром от берега к берегу, изо дня в день. А река в этом месте очень глубокая. Колесо так и не нашли...

5. Зонтичный Человек

Кройцберг – один из самых красивых городов на планетарном диске. Я много где побывал и могу утверждать это со всей ответственностью. После войны жители сами отстраивали его заново, и на фундаментах вчерашних пепелищ выросли аккуратные двух-трехэтажные дома. Те самые, что я разглядывал с парома.

Вально, который отстраивало государство силами еще не расформированной армии, отличается от Кройцберга, как собор Гауди от военной казармы. Однотипные пятиэтажки силикатного кирпича, прямые улицы и промышленные кварталы. Вально превратился в индустриальный городок, ныне он превосходит Кройцберг по площади и по количеству населения. Но остается настоящей дырой, лишь немногим менее безрадостной, чем Самерсен. Мне пришлось побывать в Вально дважды с перерывом чуть меньше чем в десять лет. Так вот, за эти 10 лет ничего не изменилось, разве что обветшало. Приехать из Кройцберга в Вально – все равно что из Западного Берлина в Восточный тогда, когда столицу крестоносцев разделяла уродливая стена, на обломках которой позже весело отожгли парни из «Pink Floyd».

В общем, я стараюсь избегать таких мест, как Вально. Вот и теперь, хотя путь через индустриальный ад короче километров на сорок-пятьдесят, я предпочитаю трассу «1969». Она делает значительный крюк к югу и кое-где не очень удобна для проезда. К тому же ее не ремонтировали последние лет этак десять, так что особенно на ней не разгонишься. Но все это ерунда по сравнению с тоской, которую сулит более короткая дорога.

Теперь время меня не поджимает: я успел на последний дневной паром, принимающий пассажиров. Следующие несколько часов Жаку придется переправлять исключительно муниципальный грузовой транспорт, курсирующий от Вально-Кройцбергской грузовой железнодорожной станции до Большого кольца и обратно.

Я задержался на Кройцбергской пристани, чтоб купить сигарет. А когда возвращался к ЗИСу, едва слышно прогремел гром. Я покинул узкое кольцо стабильного климата Самерсена, а здесь, на окраине планетарного диска, погода меняется стремительно, хотя лето и считается более спокойным временем года.

– Не желаете приобрести зонтик? – проговорил, появляясь, как обычно, из ниоткуда, Зонтичный Человек.

Вообще-то у него есть имя и фамилия, кроме того, он носит форму с шевронами береговой службы Речфлота. Но все мои знакомые, в том числе и Жак, иначе как Зонтичным Человеком его не называют.

Он работает на речном вокзале то ли смотрителем, то ли кем-то еще в этом роде. Но основной его заработок – выручка от продажи подержанных зонтов.

Люди постоянно забывают какие-то вещи на вокзале, их исправно сдают в бюро находок, где хранят какое-то обозначенное в инструкциях время. За относительно дорогими вещами возвращаются, но за чем-то вроде тех же зонтов – крайне редко. Почти никогда.

По истечении положенного срока работники речного вокзала делят невостребованные вещи между собой. Зонтичный Человек, как нетрудно догадаться, забирает зонты. И продает по дешевке приезжим. Это приносит ему пусть небольшой, но вполне ощутимый доход. Позволяющий, в частности, не расходовать деньги из семейного бюджета на ежевечернюю кружку пива после работы. Иногда это дорогого стоит.

– Сколько? – спросил я.

– Для постоянных покупателей скидка, – улыбнулся Зонтичный Человек, – даже если они пропадаются годами. Поэтому всего десять зеленых.

– Ты когда-нибудь прогоришь с такими ценами.

– Ни в коем случае. – Зонтичный Человек смешно покачал головой и со всей серьезностью заверил меня: – Я внимательно слежу за тенденциями рынка и ростом инфляции.

– Вот оно как, – киваю я с не менее серьезным видом и выбираю темно-зеленый зонти-автомат.

В багажнике моего ЗИСа уже хранится один, купленный у Зонтичного Человека, еще несколько я где-то потерял. Зонты, ключи и зажигалки пропадают у меня с подозрительной регулярностью.

Никогда не был скупердяем, но и особенно щедрым назвать себя не могу. Даже в дни студенческих пьянок, горланя осипшим голосом стандартные слоганы типа «деньги – пыль», я на самом деле так не считал. Нет, деньги не пыль, они элемент бытия, кусок большого пазла, без которого нет законченной картинки. Но если придавать им слишком большое значение, можно превратить свою жизнь в каторгу. Мне приходилось встречать людей, полностью отдающихся зарабатыванию денег и вполне преуспевших на этом поприще. Я даже не могу сказать, плохо это или хорошо, просто это не мое. Я глубоко убежден, что жизнь и жизнь ради заработка денег – далеко не одно и то же, но это мое субъективное мнение, я никому его не навязываю. Мне нравится просто жизнь.

Один мой знакомый со странным прозвищем Сабж (этому персонажу еще предстоит занять положенное место в данной рукописи) сказал как-то: «Чтобы никогда не париться по поводу денег, надо их иметь в максимально возможном количестве. Но чтобы иметь максимально возможное количество денег, о них надо постоянно париться». Сабж далеко не глуп, хотя и строит из себя придурка.

Каждый раз, когда Зонтичный Человек предлагает мне зонти, я покупаю. Мои маленькие медяки падают в маленький кошелек этого маленького предпринимателя. Это даст ему возможность еще один маленький вечер провести за кружкой пива. А мне ведь, и правда, не трудно. По различным причинам я, как и все, вынужден совершать множество плохих поступков. И не в противовес этому, а просто чтобы не чувствовать себя последней сволочью, иногда стоит сделать что-то мелкое, незначительное, может быть, даже бессмысленное – но хорошее. Просто так, из блаженной корысти – чтобы потом иметь право сказать себе: «Не такая уж я и мразь».

Следующие несколько часов я старался не уснуть за баранкой на пустынной трассе «1969». Абсолютно ровная, без единого кустика желто-рыжая степь, шары перекасти-поля, летящие под колеса... Несколько встречных грузовиков дальнобойщиков да автобус, который я обогнал еще в предместьях Кройцберга. Довольно скучно, но я предпочитаю скуку тоске. Единственный минус – я толком не спал предыдущей ночью, и теперь веки тяжелели с каждым километром. Потом ЗИС ощутимо дернуло – видимо, на выбоине, каких на «1969» немало. Я вздрогнул и понял, что дальше так продолжаться не может. Свернув к обочине, выключил двигатель, вышел из ЗИСа и залез на капот. «When I was seventeen, it was a very good year¹», – доносилось из колонок. «Надо было поставить что-нибудь более бодрое, – подумал я, закрывая глаза, – Синатра никак не тянет на кофеин».

¹ Песня Фрэнка Синатры.

6. « I Did It My Way»

– Эй-эй, чувак, ты чего?! Ты же меня задушишь, нигер!

Рефлексы нелегко контролировать. Даже умные ребята Брокгауз и Эфрон утверждали, что данные реакции организма происходят «без участия воли и сознания».

Я ослабил хватку, а потом и вовсе расцепил руки.

– Извини, брат..

Тощий Сабж, потирая шею, отступил на шаг и удивленно смотрел на меня.

– Послушай, – сказал он, – я всего лишь увидел знакомую машину и труп на капоте. И собрался заняться мародерством и некрофилией. Разве это преступление?!

– А я всего лишь попытался придушить одного знакомого подонка, – усмехнулся я.

Что мне нравится в Сабже, так это его неистребимо веселое настроение. Этот доходяга будет острить даже там, в потустороннем Освенциме, куда рано или поздно попадают все хорошие парни.

– Благими намерениями устлана дорога в ад, – ответил он, протягивая мне руку.

Сабж плохой боец, но его ценят за другое. Он – Проводник, из тех людей, кто чувствует и знает Эпицентр. Насколько это вообще возможно. Хотя Сабж никогда не любил Эпицентр и не считал его своим домом. Впрочем, не знаю, как бы оно обернулось, проживи он там чуть дольше. Нормальному человеку, такому как мы с вами, это не под силу. Нужно родиться там и впитать все, что приносят люди с их неумным стремлением загадить окружающее. Сабж родился в Эпицентре. Он – Проводник, высшая каста сталкеров.

Вообще-то, подробностей о его прошлом я не знаю. Мне известно то же, что и всем нашим.

Мать Сабжа спрятали в Эпицентре, когда в конце шестидесятых началась «охота на ведьм». «Холодная война» была в самом разгаре. Всех инакомыслящих мгновенно записывали в государственные преступники, прятали в психушки, тюрьмы и так далее. В общем, ничего нового я вам по этому поводу не скажу. В архивах Полковника вы сможете найти исчерпывающую и более достоверную информацию о том периоде.

Мать Сабжа жила в метрополии Вашингтона. Во время учебы в университете она увлеклась марксистскими идеями, и ей не хватило ума скрывать это. Короче, в конечном итоге она выложила необходимую сумму моим коллегам, и ее вместе с еще парой бедолаг спрятали до поры до времени в Эпицентре. К тому времени она была уже беременна.

Сабж родился на Неподконтрольной Дистанции, на Территории Штиля. Теоретически это самое безопасное место за забором, но практически безопасных мест там не существует. Сабж провел в Эпицентре первые три месяца жизни, после чего всех беглецов вывели окольными путями в Токийскую метрополию. Но выйти с территории Эпицентра не значит избавиться от него. Если у эмигрантов рождается ребенок, он автоматически признается гражданином той метрополии, где родился. Эпицентр пометил Сабжа как свою собственность. Поселился в его внутренностях, медленно убивал его, никогда не отпускал. Поэтому у Сабжа нет причин любить Неподконтрольную Дистанцию, зато до хрена причин ненавидеть.

Любитель дорожного мародерства откинул сиденье и, упершись ногами в торпеду, с глупой улыбкой глушил пиво, иногда принимаясь подпевать Синатре с хорошо узнаваемыми интонациями Сиды Вишеса.

– Сабж, какого черта ты опять едешь автостопом?

– А у меня угнали машину. Пару дней назад. Ну, я и решил прогуляться. Тряхнуть, так сказать, стариной.

Не так давно Сабжу стукнул сороковник, и хотя выглядел он на двадцать пять – двадцать восемь, здоровье у него было хуже, чем у шестидесятилетнего.

Врачи не раз обещали Сабжу скорую кончину, но всегда ошибались. Вероятно, в этом и кроется секрет перманентно хорошего настроения Проводника. Каждый новый день он радовался тому, что еще жив, и был не настолько глуп, чтоб тратить оставшееся ему время на сопли и уныние. Конечно, все мы стараемся не думать о таких вещах, но у Сабжа все куда конкретнее. Если бы большинство людей относилось к собственной жизни так же, как мой приятель, уверен, на земле было бы куда приятнее и интереснее жить.

– В полицию, я так понимаю, не заявлял?

– Э-э-э... Видишь ли, я эту тачку сам не так давно позаимствовал. Как пришла, так и ушла. Вот я и решил подойти к проблеме философски и не привлекать органы правопорядка.

– Скажи мне, – покачал головой я, – на хрена ты все время угоняешь чужие тачки? У тебя же денег куры не клюют...

– Ну и что? Мне просто нравится их угонять, а покупать – не нравится.

– Это, конечно, железный аргумент, – усмехнулся я и переключил магнитола на другой диск. Синатра уже в печенках сидел.

– Ну вот, – вздохнул Сабж, – испортил песню. – И принялся голосить во весь голос: – «Ай дид ит ма-а-ай уэ-эй».

Я рассмеялся. Мне всегда нравилось, как он дурачится, а в тот момент ему чертовски не хватало белого смокинга и игрушечного пистолета с пистонами.

7. Трасса «1969»

Озеро Киакуако встретило нас ослепительной зеркальной гладью, которая отражала свет клонящегося к горизонту солнца. Тот, кто не бывал (а теперь уж и не побывает) на берегу этого предгорного водоема, может смело вписывать в свою биографию жирный минус. Киакуако – прекрасно. От него веет первозданностью, которой нет места в сегодняшнем мире. То ли отдаленность от основных муниципальных центров, то ли капризный климат не позволили превратить озеро в очередную туристическую мекку. И это славно. Туристы загадили бы Киакуако, превратив здешнюю дикую природу в грязную клоаку. Они привели бы за собой предприимчивых дельцов, и через несколько месяцев берега озера уже заполнили бы гостиницы и кормушки разного уровня.

К счастью для Киакуако, здесь особенно не позагораешь и не расслабишься. С гор налетает холодный ветер, а дожди начинаются так внезапно, что способны свести с ума любого метеоролога. Минимум два месяца в году температура держится ниже нуля, и озеро покрывается толстым слоем льда. Правда, некоторое время на его берегах торчала какая-то хипстерская коммуна (понятия не имею, куда они потом делись), но при всем моем неприятии этого пассивного племени, должен признать: к природе они относятся бережно.

Одним словом, Киакуако повезло. И это еще один повод ехать по «1969», а не через Вально.

Для меня, как для и большинства людей, побывавших в Эпицентре, отношение к природе – пунктик. Мы отлично знаем, к чему может привести ее уничтожение, и давно убедились, что хотя теоретически это известно всем, такое знание никого не остановит. Деньги, гонка вооружений, религиозные и расовые распри творят с людьми странные вещи. Они готовы на все, лишь бы насолить неуголному соседу. Впрочем, я и сам ничуть не лучше. Мы, люди, отличаемся друг от друга не так сильно, как принято считать. Вообще практически не отличаемся.

И еще одну ошибку я допустил, написав «никого не остановит». Если прав старый Полковник, правильно писать «не останавливало».

Между тем воздух пропитывался вечерними сумерками. Сабж задремал. Магнитола запустила по второму кругу пиратскую нарезку «Красных Элвисов» из разных альбомов, но в основном из саундтрека к «Шестиструнному самураю». Они мне нравились. Трасса «1969» сделала плавный поворот, разветвившись на Старый тракт (сразу за озером), и Седьмую восточную (у самых отрогов Плущеровских гор). Я решил остаться на «1969» и минут через двадцать уже летел по зажатой меж двух скал дороге. В ущелье было намного темнее, поэтому я врубил сначала ближний, а потом и дальний свет: встречных машин все равно не было.

В какой-то момент ЗИС основательно трянуло на выбоине, Сабж отчаянно всхрипнул и проснулся.

– Ого! Сколько я проспал?

– Около часа.

– Здорово... Я что спросить-то хотел. А ты почему один, без Буги? Вы же вроде всегда в паре работали.

– Мы больше не работаем вместе, – ответил я, чувствуя, как накатывает очередная волна флэшбэков.

– Вот как... – Сабж пожал хилыми плечами, – ну, тогда я снова в люльку, – и надвинул на глаза бейсболку.

До ближайшего мотеля, что находился сразу за выездом из ущелья, было около часа езды.

* * *

Трасса «1969» появилась, как нетрудно догадаться, в самом конце шестидесятых.

Хипповская вольница сменялась тенденциями к радикальному консерватизму. Вчерашние длинноволосые активно переодевались в строгие костюмы-«тройки», прятали в чуланы (но никогда не выбрасывали) потертые джинсы, кожаные куртки с бахромой и фотографии собственных голых задниц, запечатленных на задворках Вудстока. Эти бывшие адепты кислотной революции стали читать своим детям заумные лекции о вреде наркотиков. Я лично знал особу, которая состояла в комитете по защите нравственности молодежи, выступая за запрет аборт и против легализации проституции, хотя в былые дни сама практиковала свободную любовь, сделала четыре аборта и участвовала в кастингах на порностудиях. Ее не приняли ни в одну, хотя, если покопаться в Интернете, думаю, нетрудно найти эти винтажные ролики (кастинги ведь, как правило, записываются).

И все же тогда, в конце шестидесятых, еще можно было встретить расписанные черепами и ромашками автобусы, еще не придали забвению вчерашнего гуру Бротигана, еще не во всем разуверились. Остатки длинноволосого воинства, обвешавшись ржавеющими пацфиками, ринулись на восток и в Азию. Переделать этот мир никто уже не надеялся и не стремился. Новое, идущее следом поколение, наплевав на нравоучения родителей, выбрало для себя кардинально иную философию «no future», а бывшие друзья и единомышленники теперь при встрече делали вид, что не знакомы, либо превращались в опустившихся джанки, выпрашивающих мелочь на очередной дерьмовый дозьяк.

В 1969 году двенадцать расписных автобусов увезли по этой дороге последних из «первороденных», уже побывавших и на востоке и в Азии, но так и не нашедших того, что искали. Позже их нашли в стороне от основной трассы. Ударная доза. Последний полет. Исход. Называйте как хотите, мне все равно.

С тех пор трасса так и называется «1969». Я не против, мне нравится эта дорога.

8. Флэшбэк

А двадцатью годами позже мы встретились с Буги.

Нелегко поверить в разнополую дружбу. Те, кто считает, что в таких ситуациях всегда мешает гипотетическая возможность физической близости, отчасти правы. Но Буги вообще не интересовалась мужчинами, а я предпочитал других женщин. Таким образом, ничто не мешало нашей дружбе.

Мы очень быстро нашли общий язык. Никто и никогда не понимал меня так, как она. Почти шесть лет мы работали в паре, да и свободное время часто проводили вместе. Буги была надежным напарником и отличным товарищем. Мне не хватало ее, когда с очередной подругой (Буги не была сторонницей долговременных и стабильных сексуальных отношений) она отправлялась отдыхать на дорогие курорты. Я мог бы ездить с ними, но считал, что иногда нужно дать напарнице возможность отдохнуть от меня. Короче, мы были, что называется, «не разлей вода». Пока однажды... у Буги не появился мужчина.

Не знаю, существует ли на самом деле пресловутый материнский инстинкт, но с каких-то пор рождение ребенка стало для Буги *idée fixe*. Причем, несмотря на стойкое отвращение к самцам, она отрицала возможность искусственного оплодотворения и хотела сама забеременеть от мужчины...

Я не вмешивался, оставив ей право самостоятельно давить своих тараканов. Правильно это или нет, не знаю. Думаю все-таки, что правильно, хотя вмешайся я тогда, все могло сложиться по-другому. Оговорюсь сразу, у нас с ней даже мысли не возникало, что отцом мог бы стать я. К тому времени мы настолько сдружились, что это было бы равносильно сексу с сестрой.

Однажды Буги появилась в моей берлоге (я тогда обитал в двух часах езды от Токио) и с порога заявила, что нашла мужчину, под которого готова лечь («Один раз. Ну, или два, если сразу не получится»). Я сказал «О'кей», и мы пошли отпраздновать это событие в ближайший бар, после чего Буги намеревалась надолго бросить пить. Единственное, что мне не нравилось в этой ее заморочке с ребенком, так это то, что я лишился напарника. На несколько лет Буги выпадала из игры. А как-то даже завела разговор, что достаточно богата и могла бы вообще не возвращаться в Эпицентр. В это я, конечно, не верил: мы все были подсажены на впрыски адреналина и протянуть долгое время без очередной инъекции не смогли бы. Если бы не такая зависимость, соскочить можно было уже через пару-тройку лет трипов в Эпицентр. Наша работа всегда хорошо оплачивалась, потому что таких людей, как мы, было очень немного и далеко не все из них горели желанием побывать в Эпицентре.

Но как ни жаль мне было терять напарницу, я понимал, что это ее выбор, и влиять на Буги не пытался. Мы ведь и правда были отличными друзьями.

Короче говоря, в ту ночь мы надрались так, что потом пришлось почти час шляться по улице, приходя в себя.

Прошло полгода. Я периодически навещал Буги, подшучивал над ней и поддерживал, как мог. А она забралась в какие-то более или менее экологически чистые дали, купила себе там бунгало и сидела на витаминных диетах. Короче, стала обычной беременной девчонкой, и мне это почему-то чертовски нравилось. Время от времени я встречал у нее Боно, того самого парня, от которого она забеременела. Ничего удивительного, в конце концов, она носила его ребенка. Я даже говорил им, что их имена – Буги и Боно – почти лейбл, и им надо грабить банки, как делали Бонни и Клайд.

Хотя, должен признаться, этот парень мне сразу не понравился. Разумеется, виду я не подал, но никак не мог понять, какого черта Буги нашла в нем.

Они познакомились где-то в Майами, где Боно работал стриптизером и подрабатывал в эскорт-организациях. Скорее всего Буги обратила внимание на его тело. Боно был таким ухоженным мачо: прическа, одежда, все дела. И в первые дни общался со мной свысока. Любому другому я за такое просто сломал бы челюсть. Но Боно был избранником моей напарницы, и я старался делать вид, что мне все по фигуре, хотя в глубине души считал этого парня самодовольным ублюдком. «На самом деле он хороший, это только маска», – сказала мне Буги, когда я однажды осторожно выказал сомнения по поводу Боно. И все-таки мне было за нее беспокойно. Как, наверное, любому брату, чья сестра делает сомнительный выбор. Но, говорил я себе, ты ей не брат, так что не суйся в ее жизнь.

А однажды, когда Боно не было поблизости, Буги сказала мне:

– Макс, я знаю, ты не очень хорошо относишься к Боно, но... Он стал мне очень близок. Ближе, чем я ожидала.

Не могу сказать, что меня это удивило, наверное, я все уже давно понял.

– Ну, тогда в добрый путь, сестренка. С возвращением в славный гетеросексуальный мир.

– Ты подонок, Макс, – ответила Буги и рассмеялась.

Потом мы с ней гуляли по берегу, и Буги была прекрасна. Беременность ей явно шла.

Один из трипов в Эпицентр затянулся почти на месяц. Это нормально, бывали куда более долгие заплывы. Сабж рассказывал, что однажды ему пришлось просидеть за стеной почти полгода.

Когда я вернулся, Буги была, по моим подсчетам, уже на седьмом месяце. Само собой, я тут же отправился к ней в экологически безопасную даль.

Но бунгало оказалось заперто на все замки и выглядело заброшенным. Я забеспокоился, начал бегать по соседям, узнавать, в чем дело...

Буги лежала в местной больнице. За неделю до моего возвращения из трипа у нее случился выкидыш. Врачи сказали, что второй попытки ее организм может не выдержать и шансов родить здорового ребенка у нее практически нет. Уверен, что это результат трипов в Эпицентр.

Я приперся в больницу, увешанный, как гавайский болван, цветами и пакетами с фруктами. Выглядела Буги жутко, как будто не спала несколько суток: с синими кругами под глазами, бледная, постаревшая. При виде меня она разревелась. А потом, как заведенная, повторяла, что убила своего ребенка. Я пытался объяснить ей, что она здесь ни при чем и ребенка убил Эпицентр, что надо найти силы жить дальше. Короче, нес банальности, потому что мне нечего было сказать.

Когда я уже собрался уходить, Буги сообщила, что Боно бросил ее. Вскоре после того, как у нее случился выкидыш. Она искала утешения, ей нужны были помощь и тепло, и она рассказала ему все:

про Эпицентр, про то, как и чем жила раньше, про то, что считает причиной выкидыша. А он... Нет, он не стал устраивать скандал, он просто заявил, что если бы знал все это, то вообще не стал бы с ней связываться. А потом развернулся и ушел – как раз тогда, когда моя сильная сестренка перестала быть сильной, когда ей понадобилась поддержка... Его поддержка. Единственного человека, которого она, похоже, по-настоящему полюбила. Ведь любовь всегда ходит рука об руку с легким помешательством и запросто превращается в безумие. Думая об этом в тот вечер, я даже не подозревал, насколько близок к правде.

– Хочешь, я найду его? – спросил я.

– Нет, – Буги покачала головой и улыбнулась так, что мое сердце чуть не разорвалось от жалости, – он просто... Просто дурак, Макс. Пусть живет. Ведь это я во всем виновата. Если бы я не потеряла ребенка, если бы не рассказала ему обо всем...

– Он не стоит даже твоей перхоти. Честное слово!

– Любовь, Макс, – Буги отвернулась к окну, и я больше не видел ее лица в тот вечер, – не дрессированная собака, которая бежит туда, куда приказали. Я надеюсь... Я надеюсь, что пройдет немного времени, и мы снова сможем быть вместе... Ты прав, надо просто ждать.

А потом я совершил самую большую ошибку в своей жизни. Я отыскал Боно. Нет, я не собирался его трогать, просто хотел посмотреть, как ему живется после того, как он бросил Буги и она стала такой, какой я увидел ее в клинике...

Жилось ему прекрасно. Я три дня ходил за ним хвостом по Майами, не веря, что человек после такого может запросто вернуться к прежней жизни. А он расхаживал по городу, встречался с друзьями, пил, ходил на вечеринки, катался на серфе, снимал девчонок. Он был весел, этот малый, и чертовски жизнелюбив.

Однажды я здорово надрался в местном баре, а потом там появился Боно со своими дружками. Я сидел и смотрел, как он радуется, смотрел и пил. И в какой-то момент перестал себя контролировать. Я подскочил к их столику, что-то кричал ему, говорил про вычеркнутый из памяти эпизод, нес околесицу. И вдруг этот ублюдок меня ударил... По большому счету, он правильно сделал, у него просто не оставалось вариантов, он ведь не знал обо мне почти ничего, так – родственник девчонки, которую он совсем недавно кинул. Да к тому же еще и пьяный в лоскуты.

Беда в том, что даже пьяный я смог уложить и его и всех его приятелей, а потом уйти огородами.

Кто же мог предполагать, что у этого качка окажется слабое сердце? Его не довезли до больницы, он умер в машине «скорой помощи».

На следующий день я позвонил Буги и обо всем рассказал. Она ничего не ответила. Просто повесила трубку.

Прошло еще полгода, может, чуть меньше. С Буги я не виделся. Не знал, как и что нам сказать друг другу после той последней встречи в больнице. От Жака, отправляясь в очередной трип и переправляясь через реку в районе Кройцберга, я узнал, что она выписалась из больницы и уехала из того городка. Выходит, решил я для себя, и она не горит желанием со мной общаться. Иначе давно бы позвонила. Я надеялся, что пройдет время и все снова станет как прежде. Мне не хватало напарника, а еще больше не хватало друга. Моей сестренки Буги.

В тот день я возвращался по Большому кольцу. Сутки назад мы вышли из-за Кордона, и я полдня провалялся в гостиничном номере в Мехико, принимая адаптационные средства. Процесс, когда организм нехотя возвращается в норму, – весьма неприятный: понос и изматывающая рвота выхолащивают тебя до такой степени, что потом ты можешь только спать и встаешь, ощущая что-то похожее на абстинентный синдром. Упадок сил – как бесплатное приложение за счет организации-заказчика.

* * *

В таком вот состоянии я свернул с Большого кольца в сторону Кройцберга. Стандартный маршрут. Я мечтал только об одном – добраться до своей берлоги и минимум на неделю впасть в анабиоз, отъедаясь и восстанавливая силы. Иногда этот процесс занимал и больше времени, в зависимости от степени потрепанности, с которой ты выбрался из Эпицентра.

Было поздно. Глаза болели и слезились от яркого дневного света (у меня так всегда после трипов), поэтому я выехал в ночь.

Дорога после съезда с Большого кольца была пустынна.

Гигантский лесовоз марки «Standard» появился в зеркале заднего вида примерно на полпути между Кройцбергским выездом и Большим кольцом. Делать ему здесь было совершенно нечего, поскольку лесоразработки находились южнее и лесовозы «Standard» поль-

зовались параллельной трассой. Впрочем, меня это мало волновало. Я лишь отметил, что он мчит на всех парах, и предусмотрительно прижал свой ЗИС к правой стороне дороги. Быстро приближающийся лесовоз повторил мой маневр. Прощедив сквозь зубы пару слов в адрес водителя, я вывернул руль влево. «Standard» послушно последовал туда же. Какого черта... Я попытался собрать остатки сил и втопил педаль газа в пол, но мощный «Standard» не намного уступал в скорости моему ЗИСу. Здесь же, на постоянно петляющем серпантине дороги, это ничтожное преимущество и вовсе не имело значения. Я, уже не удивляясь, отметил, что лесовоз тоже прибавил скорость.

Интересно, кто хочет избавиться от меня вот так: втерев в шербаый асфальт лесовозом? Слишком это сложно, слишком зрелищно. А какой к черту зритель на ночной трассе в десятке километров от ближайшего населенного пункта?

Одно я знал точно: это не правительство, они так не действуют, кроме того, живой я им нужнее. Они же сами не могут попасть за забор и ищут таких как я. А врагов у меня практически нет – ведь я слишком мало общаюсь с людьми.

Когда лесовоз-таки нагнал мой ЗИС и, оперевшись в него бампером, стал толкать перед собой в сторону надвигающегося сланцевого бока горы Юманг, мой мобильник оглушительно завопил единственной, пожалуй, мелодией, которую я рад был услышать в ту минуту.

– Буги, сестренка, у меня проблемы! – крикнул я в трубку, и лесовоз тотчас с визгом затормозил, а мой ЗИС по инерции бросило к сланцевой стене. Я уперся в педаль тормоза обеими ногами, и удар получился не таким сильным, каким мог быть.

Когда я, заливаясь кровью, вывалился на засыпанный стеклянной крошкой асфальт, хлопнула дверь лесовоза. Я был как тряпка, я же только что вернулся из трипа, а мгновение назад меня швырнуло мордой о баранку. Я не мог даже ползти.

Буги подходила медленно, уж она-то знала это посттриповое состояние, знала, что я никуда от нее не денусь.

– Это точно, братик, – сказала Буги, – у тебя и правда серьезные проблемы.

Потом она долго била: по голове, по почкам, по ногам, снова по голове. А я все ждал, когда же наконец отключусь. Но так и не отключился – за пару ударов до последнего, смертельного, Буги остановилась.

– Я очень хочу, чтоб ты жил, братик. Жил и оглядывался. Потому что в следующий раз я тебя убью. Ты ведь знаешь меня, Макс, знаешь, что я не вру. Но пока что я хочу, чтобы ты жил. И описал в своей дерьмовой книге, каково это – быть живым трупом. Но я вернусь, братик. Я ведь всегда возвращаюсь, правда?

Я снова услышал, как хлопнула дверь лесовоза, и только тогда потерял сознание. Всему свое время.

9. «Road Movie»

Когда «1969» снова выскочила на открытый участок, оставив неровные скальные отвесы позади, от бледных сумерек не осталось и следа. Ночь опустилась втихомолку. Дорога еще шла под уклон, но становилась все более пологой. Каменисто-песочный пейзаж по обочинам сменили невзрачные кусты бизоньей колючки и высушенная солнцем трава. Зато небо, в пику унылому земному пейзажу, сияло во всю мощь синих карликов и желтых гигантов. Густое, как терновая настойка, оно низко нависало над дорогой. До мотеля «Road Movie» оставалось минут десять, и нарезка «Элвисов» пошла на третий круг. Горизонт то вспухал синими отблесками неоновой вывески мотеля, то снова скрывался во тьме.

– Эй, приятель, просыпайся!

Сабж коротко оглушительно всхрапнул, распахнул глаза и виновато улыбнулся:

– Извини, Макс, меня всегда укачивает, если я не за рулем. Я, наверно, громко разговаривал и пукал?

– Да нет, – улыбнулся я.

– А я знаю, в какую клоаку ты меня привез! – Сабж довольно хохотнул и потер ладони. – Это же «Road Movie», здесь подают самое дерьмовое пиво во всей округе!

– Он самый.

– Славное местечко.

– Лично я намерен отсыпаться, – предупредил я.

– Вот и отлично, – кивнул Сабж и вытянул из моего кармана пачку сигарет, – будет кому завтра сесть за руль. Кстати, не одолжишь мне пару тысяч?

– Между прочим, – заметил я, протягивая Сабжу зажигалку, и забрал из его кармана свою пачку, – ты получаешь за трипы в четыре раза больше, чем я, к тому же последние два года я вообще сидел без работы.

– Все правильно, Макс. Но видишь ли, на днях я познакомился с одной дамой по имени Лиза. У нее самая заводная задница по эту сторону Эпицентра, только вот беда, заводится она исключительно на банкноты. Лиза вытянула из меня все и исчезла в тумане, прихватив свою божественную задницу с собой. Мое сердце разбито, а кошелек пуст, как у честного налогоплательщика. Так ты одолжишь мне, Макс?

– Только не ной, Сабж, умоляю. Бери деньги и отвали.

«Road Movie» с тех пор, как у трассы «1969» появились более молодые, более широкие и более комфортабельные дублеры, переживает не лучшие времена. Однако фермеры с озера Минога-Лахойя по-прежнему ездят здесь, опасаясь выползть на оживленные хайвэй, да и еще кое-кто предпочитает эту дорогу всем остальным. Благодаря им мотель еще как-то держится на плаву, хотя уже не бывает набит под завязку, как в славные времена хиппи и автобродяг конца восьмидесятых.

Припарковав ЗИС и отдав ключи мальчишкам-мойщикам, мы с Сабжем распрощались до утра и разошлись в разные стороны: я – в домик портье, он – в сторону бара.

Как и любой мотель, не претендующий с некоторых пор на присвоение очередных звезд, «Road Movie» обеспечивал клиентам минимальный комфорт. В нем не предусматривались семиспальные секс-полигоны, трехдорожечные бассейны для миграции леммингов и победительницы конкурсов красоты в качестве незамысловатой улады изможденных долгим путем чресел. Все было куда проще – хозяин, Анатолий Панадзак, не выпендривался, а просто делал свое дело. Десяток скромных коттеджей с двуспальными номерами, снабженными телевизором и душевой кабиной, плюс возможность заказать в номер недорогой ужин и вполне симпатичных девочек по сходной цене. Если вас это не устраивает – отправляйтесь в большой город, рискуя заработать геморрой и защемление седалищного нерва.

Старый «кадиллак» на вращающейся платформе да недорогая неоновая вывеска с названием заведения – вот и вся реклама. Простенький бар человек на тридцать, чернокожий Шамиль за потертым роялем, стандартный репертуар: Чак Берри, Элвис, Ли Рокер – для тех, кто намерен пропустить пару кружек пива перед сном.

Раньше, до того, как Буги со своим лесовозом загнала меня в самерсенскую пердь, я любил завалиться в «Road Movie» на недельку другую, помять бока на кровати, попить пивка, поклацать клавишами ноутбука. Дозированное одиночество – полезная и приятная штука. Которую всегда можно разбавить общением с кем-то из местных дам.

А вот домик здешнего портье выглядел странно – в этом псевдоколониальном стиле: с деревянными панелями, пальмами в бочонках и пробковыми шлемами на стенах. Но мне это даже нравилось.

Я взбежал по ступеням крыльца, с удовольствием разминая мышцы ноги после долгого сидения за рулем. Низкие звезды, точь-в-точь повторяющие рисунок созвездий на бивнях слонов, почти касались крыш коттеджей. Я толкнул дверь и с порога крикнул в полумрак прихожей:

– Эй, Фрэнки, угадай, кто приехал, старая задница!

10. Фунты лиха

Фрэнки, мой старый знакомец и, между прочим, протеже, последние пять лет бесменно работал в «Road Movie» портье. Он и жил тут же, в маленькой каморке Папы Карло, спрятанной за декоративными панелями. И, надо заметить, был рад такой старости.

Я познакомился с ним в городе Париже. Он промышлял на набережной, рисуя цветными мелками копии классиков, спал в ночлежках и вообще вел жизнь клошара из оруэловских «Фунтов лиха в Париже и Лондоне». При этом каким-то чудом ему удавалось оставаться чисто плотным и даже в лохмотьях вызывать симпатию. Мы разговорились, потом я угостил его обедом и дал денег на пару недель скромного существования в дешевом пансионе. На том и расстались. Подобных встреч в моей жизни было немало: люди мелькают мимо меня, как обломки комет, изредка задерживаясь в поле зрения и улетаая дальше, как правило, навсегда. «Так будет и с клошаром Фрэнком Фуэтом», – думал я.

Но пару месяцев спустя я заехал в «Road Movie», и хозяин-грек спросил, нет ли у меня какого-нибудь немолодого знакомого, который согласился бы работать портье и жить при мотеле. И я вспомнил о Фрэнке. Я ведь уже писал про маленькие добрые дела, которые надо делать в пику большому злу? Так вот, можете считать это моим пунктиком. Короче, я переночевал в «Road Movie» и утром стартовал обратно в Париж.

К тому времени уже наступила осень, и найти Фрэнки оказалось непросто. На набережной он не работал из-за дождя: рисунки смывало, да и прохожие старались не задерживаться под открытым небом. Некоторое время Фрэнки перебивался на те деньги, что я ему оставил, но потом вернулся в ночлежки, чтоб сэкономить хотя бы на жилье. А их в Париже столько, что, если в не везение, искал бы я его долго и не факт, что нашел бы. Но мне повезло, уже в третьей я обнаружил клошара-художника. Он как раз просматривал свои брюки на предмет платяных вшей. «Сиди здесь и никуда не уходи», – велел я, а сам поехал в ближайший магазин готовой одежды.

Вот, собственно, и вся история превращения Фрэнки-клошара во Фрэнки-портье. Может, там, в небесном Освенциме, мне зачтется это маленькое доброе дело.

– Кого там на ночь глядя принесло? – раздался приглушенный декоративными панелями довольный голос Фрэнки. – А ну, проваливайте, бродяги! Клошары вшивые! И чтоб ноги вашей не было в этом приличном доме, мерд! – С этими словами мой старый друг портье соизволил показаться из своей каморки.

За два года, пока я безвылазно торчал в Самерсене, старик сильно сдал. Ему, похоже, перевалило за седьмой десяток, а в этом возрасте люди меняются стремительнее детей. Белый иней шевелюры, солидная плешь, лицо, сплошь покрытое глубокими морщинами и пигментными пятнами... Но все же это был старина Фрэнки. И мы обнялись, как и положено давно не видевшимся друзьям.

Фрэнки был единственным, кому я рассказал про Буги. Той самой злополучной ночью.

Я тогда сидел, прислонившись спиной к колесу дредноута, и тупо разглядывал мобильник, пытаясь сообразить, кому позвонить и попросить о помощи. Выходило, что, кроме Фрэнки, никого у меня и нет. Остальные начали бы задавать вопросы, отвечать на которые я не собирался. Или предпочли бы остаться в стороне. Был еще Сабж, но мы с ним только что вместе ходили в трип за забор, и надеяться на его помощь было глупо: проводников Эпицентр выжимает еще сильнее, и отходняк у них длится не меньше месяца. Причем чем старше и, соответственно, опытнее Проводник, тем тяжелее ему оклематься. Так что ждать помощи от Сабжа не приходилось.

А она мне была ох как нужна. Буги знает, куда бить, она виртуоз своего дела, и будь на то моя воля, я бы ни за какие пряники не согласился оказаться по другую сторону баррикады. Но меня никто не спрашивал.

До того как моя жизнь полетела кувырком по планидному сабвею, я не раздумывая набрал бы телефон Буги. И не окажись мы по разные стороны баррикад, уж она-то примчалась в такой ситуации ко мне из любых далей. И уладила бы все проблемы. Но... жизнь распорядилась иначе. Взяла и вильнула задним бампером моего дредноута. Лесбиянке Буги приспичило забеременеть от мужика, она выбрала для этого ублюдка-стриптизера из Майами и вдруг начисто забыла о своих пристрастиях. А потом попыталась прикончить меня гигантским лесовозом.

И вот я сидел, прислонившись к колесу изрядно помятого дредноута, и перебирал телефонную книжку мобильника. Это единственное, на что был способен тогда мой изрядно помятый организм. И я набрал телефон Фрэнки.

Это было давно. Два года, один месяц и четырнадцать дней тому назад. Сейчас я лежал на полу его норы с бутылкой «Chivas Regal», а сам Фрэнки качался в гамаке, заменявшем ему кровать, и играл на рассохшемся от времени вашбурне «Солдата удачи» Deep Purple. Вообще-то, я не их поклонник. Меня больше привлекала билльная музыка – всякие там серфмьюзик, свинг и прочее. Но в эту ночь все было удивительно кстати и в тему. Видимо, где-то по дороге я, сам того не зная, отхватил неслабый кусок сансары.

*Many times I've been a traveller
I looked for something new
In days of old when nights were cold
I wandered without you
But those days I thought my eyes
Had seen you standing near
Though blindness is confusing
It shows that you're not here.
Now I feel I'm going older
And the songs that I have sung
Echo in the distance
Like the sound
Of a windmill going round
Guess I'll always be
A soldier of fortune.*

Мы к тому времени уже крепко набрались. Не потому, что много выпили, а потому что Фрэнк был уже стар, а я здорово вымотан.

– Скажи-ка мне, Макс, а какого хрена ты решил слезть с самерсенских матрасов?

– Ну, я получил телеграмму. Я же тебе рассказывал: приходит телеграмма, и мы...

– Это я понял. Но как они тебя нашли?

– Пару месяцев назад я засветился. Дал адрес.

– На хрен? Я знаю Буги и люблю эту занозу почти так же, как тебя. Вы для меня вместо сына и дочки. И мне не доставит радости, если один из вас пришьет другого.

– Мне тоже, Фрэнки, поверь...

– А она тебя грохнет, Макс. Она, если захочет, кого угодно грохнет. И сейчас, Макс, она хочет грохнуть тебя. Даже мне не удалось ее переубедить.

Я медленно, насколько позволял захмелевший организм, поднялся с пола и уставился на клошара.

– Эта стерва была у тебя?!

– Неделю назад. Обещала надрать мне задницу, если узнает, что я скрываю от нее твой адрес.

– И?..

– Что – и? Уехала с тем же, с чем приехала.

Меня штормило уже по полной. Я сделал глоток и передал бутылку Фрэнки.

– Мы в заднице, старая ты перечница, ты даже не представляешь, в какой мы глубокой заднице. Особенно я. Знал бы ты, как я ее боюсь!

– Макс, она до сих пор убивается по тому парню. Ты переехал ее большу-у-ю любовь. А любовь – самая уродливая обезьяна в этой жизни. Хотя и самая прекрасная. Вернее...

– Фрэнки...

– Не перебивай старого человека. Парфюмеры говорят, что самые прекрасные ароматы граничат со зловонием. Это про любовь, Макс. Она настолько уродлива, что кажется нам прекрасной. И наоборот.

– Ты несешь какой-то романтический бред, Фрэнки. Хотя, может быть, ты и прав. Наверное, потому настоящая, мать ее, любовь никогда не бывает долгой, что это всегда крайность, лезвие, и рано или поздно приходится сваливаться, чтоб не перепилило.

– То-то и оно, – сказал Фрэнки и сделал большой глоток. А потом повторил: – То-то и оно. Если бы ты дал Буги время, она бы рано или поздно свалилась. Туда или сюда. Но ты поторопился, и бедную девочку просто перепилило пополам. Ты, Макс, разорвал ей сердце. Да-да-а, как бы банально это ни звучало.

Я забрал у Фрэнки бутылку и снова опустился на пол.

– Значит, ты тоже считаешь, что я поступил неправильно?

– Ничего подобного. – Фрэнки так махнул рукой, что чуть не свалился с гамака. – Чертово земное притяжение... О чем я?.. Ах, да. Я как раз считаю, что ты поступил правильно. Просто... Отдай бутылку... Просто «правильно – неправильно» к настоящей любви никакого отношения не имеют. Там есть только данность. Или пустота. У Буги осталась пустота. Ее надо было как-то заполнить. И она заполнила ее тобою. Ты, кстати, сам дал ей повод. Почему ты не пристрелил его хотя бы через год? Ты не самурай ни хрена, Макс.

– Иди в задницу, Фрэнки. И отдай бутылку. Я сделаю последний глоток и пойду спать.

– Возьми ключ сам, о'кей?

– Ладно, лентяй. Какого черта я тебя сюда притащил, если ты ни хрена не делаешь... Эй, кого спрашиваю?!

Но Фрэнки уже спал.

Последний глоток не доставил мне удовольствия, и я решил, что банкет пора заканчивать. Махнув гамаку рукой, я взял из стеклянного ящика за стойкой один из ключей и нетвердой походкой покинул домик портье.

Пока мы с Фрэнки поглощали виски, от хорошей погоды не осталось и следа. Я, кажется, уже писал о капризном климате этих мест. Вот и теперь мелко сек омерзительно холодный дождь и шальные порывы ветра, налетающие со всех сторон, норовили метнуть пригоршню брызг то в лицо, то за шиворот. Пока я преодолевал два десятка метров до коттеджа, моя одежда вымокла до нитки, самого меня начала бить дрожь, и, ко всему прочему, в висках поселилась ноющая боль – хорошо знакомый признак преждевременного похмелья. Надо кинуть шмотки на полотенцесушитель и завалиться в кровать. В противном случае утро будет безрадостным, как стихи Буковского.

11. Нарколепсия – сон разума

Пробуждение было стремительным, болезненным и ничего хорошего не предвещало.

Я услышал оглушительный визг тормозов и голос Сабжа, осыпающего ругательствами все и вся. И открыл глаза. Прямо на меня неслись высоковольтный столб и хиленькая придорожная рощица. Рефлекторно вжавшись в кресло и упершись ногами в торпеду, я рванул левой рукой руль, так что столб остался в стороне, а ветви кустарника полоснули по борту ЗИСа. Сердце мое, подпрыгнув в районе кадыка, рухнуло под копчик и там замерло. Медленно повернув голову, я увидел белого как мел Сабжа, вцепившегося в руль посиневшими пальцами.

– Это, блин, что сейчас было? – прохрипел я.

Сабж молчал, глядя перед собой пустыми глазами. Я медленно дотянулся до водительской двери, открыл ее и с размаху вписал Сабжу кулаком в скулу.

– Твою мать, – выпадая из дредноута, сказал он.

– Какого хрена ты сел за руль, Сабж? И какого хрена я оказался на пассажирском сиденье? Ты меня что, приволок на руках, Геракл долбаный?

– Макс, ты рехнулся? В ЗИС ты залез сам. И сел на пассажирское сиденье. Как я должен был это расценивать?

– Погоди, Сабж... Я точно помню, что вечером пошел в коттедж... Ну да, точно, я заснул в коттедже.

– Какой, на хрен, вечером? Я тебе говорю про сегодняшнее утро. Я разбудил тебя, ты оделся и поплелся к машине. Взгляд у тебя при этом был вполне осмысленный.

– Ничего не помню. Вообще ноль...

– Тебя зомбировали производители виски, – кивнул, усмехаясь, Сабж. – Это не страшно. Ты просто выполнишь какую-то миссию и спокойно помрешь.

– Я уже выполнил свою миссию, когда дал тебе по морде. Какого хрена ты уснул за рулем?

– Глупый вопрос. Почему люди засыпают, а?

– Потому что мудаки, – огрызнулся я. – Все, теперь поведу я.

– Жаль, – делано опечалился Сабж, – я только начал входить во вкус.

На самом деле все было проще. Я знал это, а Сабж знал, что я знаю.

Постоянные трипы за забор ни для кого не проходят даром. Именно поэтому обычные бойцы типа нас с Буги раз в несколько лет берут на полгода отпуск. Поправить здоровье и расшатанные нервы.

Проводникам такой отпуск не светит. Они сидят на Эпицентре, как джанки на героине. А долгие перерывы между трипами буквально убивают их: начинается бессонница, нервные срывы, стремительно снижается иммунитет. Поэтому Проводники *вынуждены* бывать в Эпицентре, они не могут соскочить по своей воле, в отличие от остальных. Остальные тоже не могут, но по иным причинам. Вот если боец арестуют за пьяную драку в баре или за угон тачки и продержат за решеткой два-три года, он, конечно, изведется от тоски (как я в Самерсене), но и только. Проводник же в этой ситуации может смело ставить на себе крест. Два-три месяца вне Эпицентра, и он – труп. Один из коллег Сабжа продержался пять месяцев, потом впал в кому и так из нее и не вышел.

Но пребывание в Эпицентре тоже убивает – не менее жестоко, хотя и не так быстро... Даже сталкеров.

У Проводников, которые бывают за забором чаще и дольше других, со временем развивается нарколепсия. Болезнь, при которой человек внезапно засыпает. Обычно нарколепсия начинается после инфекционных заболеваний, которым подвержены большинство Про-

водников, и считается началом финишной прямой. Если даже Проводнику повезет и он не вырубится в Эпицентре (что означает гибель ведомого им отряда), он все равно больше двух лет не протянет. Настанет день, когда он не проснется.

У Сабжа началась нарколепсия. Но говорить с ним об этом я не собирался. Он и сам все знал. А я знал, что он знает.

12. Я, дорога, мой ЗИС

И снова потянулась трасса «1969», наиболее скучный ее участок. По обе стороны дороги прямо за отбойниками начиналась степь: буро-красная, однообразная, вяло шевелящая стелящейся травой, – и тянулась до горизонта. Здесь почти никто не ездил. Фермерские уголья закончились, и дорога, делая легкую дугу к западу-северо-западу, тянулась сквозь вечную осень степной полосы до самого Бески-Юга. Туда и направлялись мы с Сабжем. Два дублера: Северо-Западная скоростная и стрела Бески-Юга – были намного удобнее, ухаживнее и не делали никаких дуг. Но меня от них тошнило. Я не видел там ни одного ржавого рекламного щита. А это уже признак умирания цивилизации людей и расцвет цивилизации непересекающихся прямых. Мир, где ковбой Мальборо и Харли² негде поговорить о Боге, – убогий мир. Поэтому я продолжаю ортодоксальным поплавком маячить в местах типа трассы «1969», упрямо (а скорее, от безысходности) цепляясь за леску настоящего.

Сабж снова развалился, максимально отодвинув сиденье и закинув ноги на торпеду. Я вырубил кондиционер и опустил оба стекла на передних дверях. Было пасмурно, ветрено и, несмотря на монотонный пейзаж, тревожно. И мне вдруг захотелось снять крышу. Как в кадрах из «Kill Bill», когда Ума Турман въезжает в зал на своем синем кабриолете. Вот это настоящее Road movie: пустынная автотрасса, ветер в шевелюре и старый ЗИС, последний представитель своего семейства. Дорога, ты и твоя машина.

Я мечтал об этом три года.

Я называю это свободой.

Два года я прятался от Буги. Сначала пытался привыкнуть – научиться дышать под водой, видеть в темноте, пить по выходным, работать днем... Так бы оно и случилось. Вот только меня самого бы не стало. Не сразу. Но наверняка.

Меня спасла Марта. Она... как будто возвращала меня самому себе. Своим телом, своей торопливостью. Всем. Когда она была рядом, мне казалось, что я смогу жить *так*, оставаясь *собой*. Хотя в глубине души я понимал – это невозможно. Потому что сколько волка ни корми... И все же я лгал себе, уговаривал: «Человек ко всему привыкает». Не верьте. Человек либо срастается с той жизнью, которую ведет, либо нет. Так вот – я срастался. А Марта каждый раз вырывала меня с корнем.

Теперь я снова был самим собой. Я – дорога – моя машина. Это было то, что я называю свободой.

Вообще-то я не из породы клинтивудов. И не умею скрывать свои чувства. Правда, с годами научился контролировать мимику. И все же... Иногда мне нужно побыть одному, чтоб не следить за своим лицом. В такие дни я выгонял из гаража свой ЗИС и ехал, в зависимости от настроения, либо на Большое кольцо, либо сюда, на «1969».

...Я смог бы обойтись без Эпицентра, денег, экшна, адреналина. Подыхал бы от тоски, как излечившийся джанки, который потом вспоминает о героиновых заплывах как о лучшем, что было в его жизни. И наверное, нашел бы что-нибудь взамен, вроде пятничных драк в банде футбольных тиффози.

Но вот без этого: «Я – дорога – мой ЗИС» я бы скопытился ко всем чертям. Потому что свобода – это возможность быть самим собой.

Похоже, когда Буги со своим лесовозом настигла меня, какая-то часть моей души осталась здесь. Поэтому когда я возвращаюсь на «1969», я ненадолго становлюсь самим собой.

И мне это нравится.

² Имеется в виду фильм Саймона Уинсера «Харлей Дэвидсон и ковбой Мальборо». (Здесь и далее – прим. автора.)

Наверное, предельно эгоистично писать только о себе. Но, по большому счету, я больше ничего не знаю. Даже собственная душа иногда видится мне такими потемками, что попадаи в ее лабиринты какой-нибудь Гудини, он бы съехал с катушек и остался там навсегда, прикинувшись каким-нибудь рудиментом. Как же я могу писать о ком-то другом, тем более о человечестве в целом, если даже с самим собой не в состоянии разобраться? Несмотря на ту простоту, о которой я только что рассуждал. Я знаю только то, что пропустил через себя, оценил на своей шкуре, чем переболел, перестрадал. Это мои друзья, мои мысли, мои воспоминания. Ну и – мой ЗИС и моя дорога.

Вот вам парадокс на десерт. Люди просты – а понять их сложно. Каждый идет к своему садовнику по-своему. Он и Тезей, и Минотавр. Вроде бы, имея предпосылки и результаты, просчитать человека – проще пареной репы. На деле все не так. Есть, конечно, какие-то общечеловеческие законы, социальные алгоритмы, прочая умная чушь, характерная для разумных прямоходящих. Но я не обладаю ни достаточным багажом знаний, ни тонкими аналитическими способностями, чтобы брать на себя право рассуждать о подобных материях.

Полковник – великого ума человечище, в одну из наших первых встреч сказал: «Чем больше я знаю о человечестве, тем меньше понимаю человека. И наоборот. Очевидные факты говорят меньше, чем парадоксы, домыслы и мифы. Иногда мне кажется, что наука – это свод незнания о человеке».

Я знаю значительно меньше. Поэтому пишу о себе. Я – это то небольшое, что мне известно о человечестве.

13. Дорога всегда одна

Сабж блаженно похрапывал, съездившись на переднем сиденье.

Я решил не останавливаться «У Донахью» и в «Келье пьяного монаха» и почти четыре часа подряд гнал ЗИС по «1969», прокрутив диск с коллекцией альбомов «Stray Cats». Правда, каждый раз отматывал назад, когда начинались свинговые альбомы сетзеровского оркестра. Обидно было слышать, как этот великий рокабилыщик и посредственный свинговый гитарист перепел свой же «Stray Cat Strut». Хуже кавера на эту вещь я не слышал.

Ветер усилился, и по небу снова побежали дождевые облака. Еще не тучи, но ясно было, что польет неминуемо. Я поднял стекла на дверях, потом, подумав, снова опустил свое и закурил.

– Время пить кофе, – пробормотал Сабж, проснувшись, и вытащил пачку из моего кармана. Не уверен, что при этом он открыл глаза. – Макс, брат мой во пути, – прикурив, сказал он, – мстится мне, что мы идем со значительным опережением срока. Так ли сие, коллега?

Я усмехнулся и кивнул. Мы действительно на пару часов опережали график. А светиться на месте сбора заранее не принято. Я подумывал завернуть в какой-нибудь пригородный дорожный бар и скоротать время там.

– А давайте-ка, батенька, проедем через заповедник, – предложил Сабж. – Пара часов в бизоньей Вальхалле пойдут на пользу нашим измотанным нервам. Что может быть лучше, чем естественная среда и березовый сок! – Он вдруг подался ко мне всем своим хилым телом и проникновенно затараторил: – Скажите, коллега, признайтесь честно, не кривя душой: доводилось ли вам пить березовый сок, коим славится хозяйка заповедника, супруга преподающего отца Михаила?

Я покачал головой. Пить местный березовый сок мне не приходилось. Я вообще не помню, когда в последний раз его пил.

– Как же так! – воскликнул Сабж. – Немедленно, сразу по возвращении из трипа пересмотрите классику современного кинематографа! Вы узнаете, что тех, кто при жизни не видел моря, на небе называют исключительно лохами. Так вот, коллега, не отведавать местного березового сока – это хуже, чем не увидеть моря. Это непростительно.

На самом деле теперь я благодарен Сабжу за эту клоунату. Было бы обидно встретить конец света, не испив березового сока из заповедника. А в тот момент я подумал, что Сабж предлагает не такой уж плохой способ убить два с лишним часа. И свернул под указатель «Бизоний угол. Заповедник».

* * *

Пытаясь спастись от пустоты жизни в Самерсене, кроме алкоголя я использовал и другие способы, например, периодически совершал налет на местную книжную лавку. Это убогое заведение никогда не пустовало – оно пользовалось популярностью у домохозяек Самерсена, которые проводили редкие часы досуга если не у телевизора, пережевывая сопли очередной «мыльной оперы», то за чтением женских романов. Понятно, каким товаром была забита единственная самерсенская книжная лавка. И тем не менее после долгих раскопок мне порой удавалось отыскать в самых пыльных углах кое-какое достойное чтение. К примеру, «Порою нестерпимо хочется» Кена Кизи. Вероятно, хозяина лавки надули, подсунув эту вещь как порнографический роман. Когда я оплачивал покупку, он понимающе улыбался. Если бы он подмигнул, я бы сломал ему челюсть. На правах постоянного покупателя. Но он только улыбался.

Там я нашел и трехтомник Питтсбургского института «История колониальных войн». И хотя никогда не увлекался научно-популярной литературой, «на безрыбье и сам раком встанешь», как любит говаривать мой приятель клошар Фрэнки.

Издание оказалось на редкость занудным, так что я пропускал целые главы, а к третьему тому вообще не притронулся. Но кое-что занятное там все-таки было – например, информация об освоении тогда еще Дикого Запада белыми, которые, не ограничившись истреблением и принудительной ассимиляцией местных племен, взялись за животных, которые аборигенов кормили. Белый человек подошел к делу со всей ответственностью, целеустремленностью и смекалкой, и от сотен тысяч голов североамериканских бизонов вскоре (временные рамки до смешного ничтожны) – осталось менее трехсот (sic!). Каковы масштабы! Невольно вспоминаются слова Полковника: «Многие поступки человека заслуживают уважения и восхищения. При этом поступки человечества в целом нередко просто омерзительны».

Лет так тридцать назад из монастыря Св. Франциска ушел один из монахов. Ушел, что называется, в мир. К слову сказать: единственный факт, известный мне о Св. Франциске, это то, что он читал проповеди и отрывки из Библии птичкам, овечкам и прочим божьим тварям. Убогие, как написано, ближе к Богу.

Так вот, тот монах создал заповедник «Бизоний угол», в котором поголовье животных выросло до нескольких тысяч. Потом отказался от celibата и женился.

Два года подряд, 4 июля, местные фермеры садились на джипы и пересекали границу заповедника. Не покидая машин, они стреляли в животных и мчались дальше, оставляя туши лежать на земле. Уговоры не помогали, молитвы не успокаивали, напоминание о Высшем суде вызывало недоумение. Тогда святой отец-францисканец отказался от сана, купил пулемет и устроил на следующий День независимости такой фейерверк, что больше обитателей заповедника никто не осмеливался беспокоить.

...Сразу за поворотом дорога резко пошла в гору. Первые капли дождя ударили по кривой в лобовое стекло, замаячили «дворники». Ржавая пыль на обочинах стала насыщенно красной, как гончарная глина. А трава прижалась к земле так отчаянно и обреченно, как будто с минуты на минуту их разлучат навсегда.

– Хорошо, да? – Сабж кивнул на окно. – Почти как в Эпицентре.

– Тебе кажется, похоже?

– Не сама картинка, брат, а ощущение.

Я кивнул. Потому что думал примерно о том же: все, напоминающее о сиюминутности и неотвратимости, ближе к настоящему. Наверное, потому, что тогда отпадает смысл в символах. И кому как не Сабжу было почувствовать этот момент.

– Дорогу знаешь? – спросил я.

– А тут одна, – улыбаясь чему-то своему, ответил Сабж. – Дорога всегда одна, брат. В этом вся фишка.

14. Березовый сок

– Быть вымирающим видом совсем не плохо. Уверю вас, батенька, – рассуждал Сабж, размахивая сигаретой и обильно посыпая салон ЗИСа пеплом.

Мы стояли уже около четверти часа, пережидая, пока большое стадо бизонов пересечет дорогу. А они не торопились, презрительно поглядывая на нас.

– Ты только проникнись, Макс. Вот перед нами идут бизоны, которые все еще считаются вымирающими. Но при этом каждый из них, персонально, так сказать, чувствует себя великолепно. О них заботятся как об умирающих, им выделяют территории для питания и размножения, создают все условия... но, батенька, но! На самом-то деле они вовсе не вымирающие. Вон-вон-вон! Ты только посмотри на этот «труп». Да я при жизни никогда так хорошо не выглядел!

Огромный самец с огненно рыжей шкурой словно почувствовал, что на него обратили внимание. Он вдруг остановился перед ЗИСом, окинул его на удивление осмысленным взглядом и пустил мощную струю.

– Вот, а я о чем говорю! – воскликнул Сабж, восхищенно разглядывая бизона.

Я не понял, каким образом помочившийся бизон иллюстрирует сказанное Сабжем, но спорить не стал. Солнце мгновенно высушило землю и нагрело салон дредноута. Я было потянулся к панели управления кондиционером, но включать его не стал.

– Как думаешь, если я открою окна, вонять будет сильно?

Стадо бизонов, окатив стального зверя меланхоличной волной презрения, убралось с дороги и двинулось куда-то в глубь заповедника наслаждаться жизнью вымирающего вида. Ни один бык не проявил даже намека на любопытство. Не скажу, чтоб меня это особенно задело, однако в голове промелькнула мысль о том, что любое существо, получившее значительные привилегии, превращается в порядочную скотину.

– Не рекомендую, – ответил Сабж.

Березовая роща росла на самой вершине холма, куда, петляя и пересекая бизоньи маршруты, вела единственная в заповеднике дорога. Потом она спускалась к поселку у подножия. Но мы туда не поехали.

– Останови здесь, Макс, – попросил Сабж. И что-то такое промелькнуло в его голосе... не характерное для него.

Я остановил машину и, не задавая вопросов, вылез из ЗИСа. Мы прошли несколько шагов по дороге и, свернув в рощу, опустились на уже подсохшую траву между березами. Сабж лег, надвинув на глаза бейсболку. Я сидел, скрестив ноги и с интересом разглядывая поселок у подножия холма. Он представлял собой десяток деревянных и каменных домов по обе стороны дороги. Ничего похожего на церковь или хотя бы часовенку я не заметил, зато у въезда возвышался огромный деревянный крест. Думаю, в нем было не меньше пяти-шести метров в высоту, а опорный столб мне вряд ли удалось бы обхватить.

– Сабж, а почему в поселке нет церкви?

– В смысле? – Сабж приподнял бейсболку и посмотрел на меня из-под козырька.

– Ну, ведь затеял все это бывший монах. Значит, должна быть и церковь.

Сабж перекатился на живот, положил голову на сложенные руки и ответил:

– Понимаешь, он ведь далеко не глупый монах. А неглупые люди либо становятся атеистами, либо начинают верить по-настоящему. Символы им уже ни к чему. А церковь, всякие кресты, полумесяцы, солнцевороты – это символы. В каком-то смысле они страшнее пресловутого золотого тельца. Потому что, согласись, нигер, вера в символ Бога и вера в самого Бога – не одно и то же.

Сабж снова перекатился на спину и раскинул руки. На его лице играла странная улыбка.

– Вот их церковь, – продолжая улыбаться, сказал он. – Мир.

– Занятно, – я тоже лег на спину, прикрыл от слепящего солнца глаза и вдохнул полной грудью.

– Там, – Сабж вяло качнул подбородком в сторону поселка, – живут прекрасные люди, Макс. Seriously. Я никогда не встречал людей лучше. Меня окружают либо подонки, либо совсем уж прожженные циники, – новый кивок, на этот раз в мою сторону, – либо психопаты. А эти... Вроде и не обычные люди, но и не такие оторвы, как мы с тобой. И при всей этой их необычности как раз тут я понял, что такое дом.

– А чем тебе не угодили обычные люди? – вклинился я, привставая.

– О, Макс, только не начинай! – Сабж смешно замахал руками и тоже сел. – Они мне неприятны. Устраивает?

– В принципе, да. Я думаю примерно так же.

– А почему «в принципе»?

– Ну потому что нет одинаковых людей.

– Впервые встречаю такого наивного циника, – усмехнулся Сабж. – Ну хорошо, скажем так... Хм... Некоторые люди недостаточно отличаются друг от друга. Устраивает?

– Да.

– Ну так вот, Макс, эти люди, они вроде бы и не обычные, и в то же время совсем не похожи на тех, с кем мне приходится общаться. К примеру, там живет эфиоп по имени Исая.

– Ого!

– Seriously. Он у них за повара. И этот Исая каждый раз встречает меня словами: «Welcome back».

– И что?

– А то. Я могу только что приехать или выйти из сортира. И всегда он говорит мне: «Welcome back». Потому что за двадцать лет со дня отъезда из Эфиопии он выучил только эту фразу.

– А значение?

– Что?

– Значение этой фразы он понимает?

– Нет, конечно...

– И правда, хороший человек.

– А еще есть Наташа. Она из Белоруссии. Пять лет просидела в Париже. Обычная история. Киномечта, все дела. Ну, и результат предсказуемый. Сначала устроилась официанткой, потом стала по выходным подрабатывать в каком-то борделе. Имела спрос, постоянных клиентов, но уйти туда насовсем отказывалась. А однажды появилась здесь. И осталась. Не знаю уж, как и почему, мне, если честно, по фигу.

– И?..

– Понимаешь, в ней есть что-то такое... Не знаю, как сказать. Ей веришь. Знаешь, Макс, она, бывает, выйдет в заповедник, сядет на траву. И тут же появляются телята бизонов, и какой-нибудь обязательно ложится рядом и кладет ей голову на подол. Как в легендах про единорогов.

– Единороги подходили только к девственницам, Сабж.

– Я в курсе. Просто в Наташе есть что-то чистое, несмотря ни на что.

– Понятно.

– А самое главное, Макс, мне здесь всегда рады. Других таких мест я не знаю. Понимаешь, старик, я не жалею о своей жизни, все вроде правильно. Единственное, чего в ней не доставало, так это места, куда я мог бы вернуться. Я все время куда-то шел. И всегда впе-

ред, никогда не оглядывался. Не на что было оглянуться. И возвращаться было некуда. А возвращаться – это же здорово. Куда-нибудь, где тебе рады. Раньше у меня такого места не было. Теперь вот есть.

Я приподнялся на локтях, посмотрел на часы. У нас оставалось чуть больше часа.

– Ну, так давай заедем. Время есть. Заодно попробую хваленый березовый сок.

– Не хочу. – Сабж медленно встал, отряхнул брюки, потянулся. – Как раз сегодня мне не стоит оглядываться. А с березовым соком никаких проблем, – растягивая физиономию в довольной усмешке, сказал он, – пошли.

На самом краю березовой рощи грел на солнце бока огромный красный с белыми прожилками валун. Трудно представить, из каких далей приволокло его ледником. Одно я знал точно: в местных горах таких камней нет.

– Что, брат, гадаешь, откуда он здесь взялся? – Сабж похлопал валун по теплому боку и рассмеялся.

– Даже подумать страшно, – признался я.

– Ну да, это была долгая прогулка. Смотри сюда.

Сабж обошел камень и махнул мне рукой. С противоположной стороны из валуна был вырван солидный кусок. Это произошло, по всей видимости, тогда же, когда его тащило в эти степные районы. Получилась неровная ступень, на которой теперь стоял десяток пластиковых бутылок с мутноватой жидкостью.

– Каждое утро кто-нибудь из поселка поднимается в рощу, – пояснил Сабж, – и снимает со стволов берез бутылки. Часть забирает с собой, остальные ставит сюда, в тень. Для таких, как мы. К вечеру ни одной бутылки не остается.

Я взял литровую баклажку из-под пепси, отвинтил пробку и сделал глоток.

Если вам никогда не доводилось пить березовый сок из бизоньего заповедника, то ваша жизнь прошла... не то что бы напрасно... Но в ней не случилось чего-то очень важного. Сабж был прав.

– Возьмем бутылку с собой. Больше все равно не успеем выпить.

15. Ноги

В двенадцати километрах от Бески-Юга и в трех – от того места, где «1969» сливается с Северо-Западной скоростной, я остановил дредноут и вылез из салона. По большому счету, здесь и заканчивалась трасса «1969». Как и краткая эпоха наивных надежд, длинных волос, рок-н-ролла и веры в человека.

Именно тут в самом конце 1969-го года три автобуса, расписанные черепами и ромашками, свернули с дороги. Никаких памятников, обелисков, ничего такого. Только упрямо торчит старый Звонящий дуб. А на нем – тысячи пацификов, хайратников, порванных струн. Я обхожу свой ЗИС, достаю купленный на пристани зонт, размахиваюсь и кидаю в густую, тяжелую крону.

– Хайле селасе, – говорит Сабж, открывая дверь, но оставаясь в салоне. – Я всегда хотел спросить, Макс: если в тех автобусах ехали последние, то кто притаскивает сюда весь этот металлолом?

– Дураки и предатели, – говорю я, закрывая багажник.

– А ты?

– Ну, и я.

– Ясно. – Сабж захлопнул дверь и сказал в открытое окно: – Тогда давай почтим это дело прослушиванием «Вельвет андерграунда» и косяком.

– У меня нет «вельветов», а траву я не курю.

– Тогда что нас тут держит?

– Да ни хрена нас тут не держит.

Ветер то налетал, чтобы ощутимо шлепнуть дредноут по выгнутой спине, то вдруг затихал. От этого в кроне Звонящего дуба возникала психоделическая мелодия. Типа, саундтрек к разочарованию.

– А почему дураки, Макс?

– А кто же? Все эти хипстеры, битники, дети цветов – как судороги. Даже не судороги, а ногти. Тело уже умерло, мозг разослал сигнал: «Стоп, машина». А ногти растут.

– Или волосы, да? Помнишь эту фишку, да? Когда все почти уже кончилось, какой-то клоун поставил на Бродвее такой мюзикл. Билеты стоили бешеные бабки.

– И я про это. Любое движение имеет смысл, пока в него верят. А вера кончилась уже тогда. Потому я и говорю – дураки. Все же на ладони, Сабж, но они отказываются видеть.

– Ну и что? – Сабж пожимает плечами и вынимает из моего кармана сигареты. – Почему все должно иметь какой-то смысл? Эти парни по-своему счастливы. Они наверное, счастливее нас с тобой, Макс. Может, ты им просто завидуешь?

– Может быть. Но я бы не смог так. Я, наверное, слишком четко осознаю бессмысленность всей этой бодяги.

– Просто ты атеист, приятель. Потому что слишком много знаешь. Знание порождает сомнения, поэтому оно – антипод веры. А вера слепа по определению, она исключает сомнения. Или это уже не вера. В большинстве случаев...

– Я думал об этом, Сабж. Но ведь многие из них далеко не глупы. Движение интеллектуалов было тогда и существует теперь. Нет, старик, тут дело не в знаниях. Скорее, в какой-то врожденной наивности.

– Только не произноси слово «чистота». Вспомни того же придурка Кизи.

– Кизи не в счет. Он уже тогда ни во что не верил. Ему просто нравилась жизнь раздолбая, вот и все. Как и Бротигану. Этих двоих я уважаю. На периферии любого движения можно найти таких ребят. Они хотели бы верить, но врожденный цинизм мешает. И они

оказываются в некоем вакууме между верой и смыслом. Смысл им не нравится, а верить они не умеют.

– А потом приходят наивные умники и называют их гуру.

– Типа того.

– Тогда я не совсем понимаю, что ты называешь наивностью.

– Наивность – это вера вопреки знанию. Если еще раз положишь мои сигареты к себе в карман, я сломаю тебе руку.

– Реассе, бро. Прости мне мою наивность. Я знаю, что это твои сигареты, но верю, что ты об этом не вспомнишь. Я хиппи. В каком-то смысле.

16. Оранжевые пунктиры

Спустя какое-то время, высадив в пригороде Сабжа, я въехал в южные ворота Бески-Юга. Монотонным речитативом потянулись ухоженные, но довольно однообразные дома. Как и большинство относительно молодых городов (Бески-Югу чуть больше двадцати лет), он еще не успел обрести своего лица. Которое приходит к городам с потемневшими камнями домов, трещинами в асфальте, третьим, а то и четвертым поколением жителей. Так вот, всего этого Бески-Юг еще не приобрел. Самое старое здание в нем – это бывшая казарма, которая потом была тюрьмой, а сегодня, как ни парадоксально (разумеется, после кардинального переустройства), – стала школой. Но одного здания побуревшего кирпича недостаточно. А в остальном Бески-Юг – обычный небедный провинциальный городок, каких тысячи.

Покружив по городу, я нашел автостоянку, охраняемую тремя доbermanами и огромным негром. Негр помог мне натянуть на дредноут брезентовый тент, взял плату за месяц вперед и рассказал о последней игре «Нью-йоркских гризли» против «Сибирских медведей». Я вежливо делал вид, что слушаю. Хотя футбол ненавижу. Возненавидел его еще в Самерсене. Потом охранник стрельнул у меня сигарету, и больше я его никогда не видел.

...Встречи, подобные той, на которую я приехал, проводились по однотипной схеме. Никаких ночных перебежек, поднятых воротников, накладных усов и зеркальных очков. Все максимально буднично и просто. В маленькой гостинице снимается номер с отдельным входом. Вот и все. Чем меньше суеты, тем меньше внимания и посторонних глаз. На столе раскидываются карты и деньги, выставляется выпивка, так что в случае чего обвинить можно только в азартных играх. Тоже, разумеется, не сахар, но это меньшее из зол, с которым приходится мириться.

В ближайшем к автостоянке газетном ларьке я купил «Бески-Юг дэйли» и в разделе частных объявлений без труда нашел то, что искал:

«КАРТА ЕВРОПЫ. БЕРИНГ, БРАЙЗЕР.
ИЗДАТЕЛЬСТВО “СОХО”143-07-08»

Оставалось только выяснить местоположение гостиницы «Кеббис», где сегодня, седьмого августа, в номере 143 состоится встреча. И в этом я рассчитывал на болтливость продавцов газет.

Никогда не мог понять, почему в провинции так любят красить бордюрные камни в яркие цвета. В Бески-Юге они были зловеще оранжевыми. Почему? Возможно, потому, что не нашлось другой краски. Но тихие патриархальные пейзажи провинциального городка, обведенные четким оранжевым пунктиром, навевали что-то наркотическое. Представляю, каково тут в дождь, когда оранжевые отблески отражаются еще и в лужах!

Небо постепенно избавлялось от грозowych облаков. Парило нещадно, и синева была такой нестерпимо ослепительной, что я нацепил очки. На одной из пустынных улиц, прямо на разделительной полосе спала, высунув длинный красный язык, лохматая собака.

Минут через пятнадцать я нашел гостиницу «Кеббис» – серое двухэтажное здание со стандартной вывеской. Все номера первого этажа имели вход с улицы. В том числе и номер 143. Я постучал трижды. Шторка на ближайшем слева окне шевельнулась, щелкнул замок, и я толкнул дверь.

На пороге стояла Буги. Удар был достаточно сильным, и я потерял сознание.

Часть вторая ЭПИЦЕНТР

17. Солнце и вода

Дождь, нудивший с самого утра мелкой промозглой пылью, к обеду превратился в полноценный затяжной ливень. Тяжелые капли рушились на асфальт перед гостиницей, вздувая пузырями стремительно разрастающиеся лужи и разгоняя на них радужные пленки масла. Город, и без того в этот час немногочисленный, вымер. Низкое серое небо казалось еще ближе, еще тяжелее: вот-вот обрушится всей тяжестью переполненных влагой грозных облаков, вот-вот смешные домишки Бески-Юга в асфальт, сровняет этот чертов городишко с землей, и все – как и не было.

Это типично для районов, окружающих мертвую зону вокруг Эпицентра: низкое небо, прижимающееся к земле, неустойчивая погода, вечная сырость. Собственно, влажность и создает ощущение близости небес, выступая своеобразной атмосферной линзой. В редкие часы ясной погоды, особенно по ночам, можно бесконечно долго смотреть вверх, на яркие звезды, похожие на пулевые отверстия в иссиня-черных одеждах Господа Бога. И верить становится просто... Вот только хорошая погода в этих местах – редкий гость.

– Ну, а потом я приехал сюда и ты встретила меня своим классическим апперкотом, сестренка, – закончил я свой рассказ и осторожно отнял от лица грелку со льдом. Челюсть все еще болела, но уже не так сильно.

Буги не смотрела на меня, она сидела, забравшись с ногами в глубокое кресло и укутавшись в плед. В эту минуту она выглядела такой женственной, такой домашней... если бы не «Пустынный орел», лежащий на подлокотнике, и не болезненная память о «радушном» приеме. А кроме того, был еще взгляд: холодный, сосредоточенный, спокойный.

Сабж сидел на полу в углу комнаты и старательно делал вид, что его тут нет. Под левым глазом у него наливался синевой монументальный синяк: дурачок рискнул сунуться между мной и Буги, даже угрожал ей своим смешным «парабеллумом». Хотя, может быть, именно это меня и спасло. Я вырубился сразу, отхватив апперкот, но одним ударом Буги явно не ограничилась, потому что у меня болела не только челюсть, но и ребра, и правое плечо, и правое колено. Впрочем, если бы Буги захотела, она могла покончить со мной и с меньшими затратами энергии. Уж кто-кто, а я ее хорошо знал. Значит, она не собиралась меня убивать?..

– Ну и... что мы теперь будем делать? – спросил я, поскольку Буги не реагировала на мои слова.

Она впервые за время моего рассказа оглянулась:

– Завтра уйдем в трип. Отец настоял, чтобы я пошла с тобой и Сабжем. Это почти намек, Макс, пораскинь мозгами и подумай. – Она стремительно поднялась, бросила на спинку кровати плед, привычным движением сунула в плечевую кобуру «Орла» и прошла через комнату к двери. – Ложитесь спать. Завтра подниму затемно... И примите душ, воняет от вас, как от козлов.

– И тебе спокойной ночи, – подал голос Сабж, – был рад тебя увидеть.

Я бы не рискнул шутить с Буги, когда она не в настроении. Но Сабжу прощалось многое. Буги криво улыбнулась и ответила:

– Извини меня, Сабж, я, наверное, погорячилась.

– Я заметил, – кивнул Сабж, – но великодушно тебя прощаю. Как думаешь, в этой гостинице можно заказать ужин в номер?

...Не так-то просто уснуть, когда все тело болит. Да и дождь барабанил в гостиничную кровлю всю ночь, прекратившись лишь часам к четырем утра. Только тогда я наконец провалился в некое беспокойное подобие сна, в котором все время куда-то бежал, от кого-то спасался, прятался, боялся. Мне снились пропитанные влагой подвалы, странные слепые люди, приманивающие крыс игрой на дудках, жуткий художник с крестами пластыря вместо глаз... Я осознавал, что это сон, просто кошмарный сон, и понимал, что надо всего лишь проснуться. Но проснуться не получалось...

Поэтому я был даже рад, когда Сабж растолкал меня и сказал, что Буги ждет нас через полчаса на автостоянке.

Арендованный здесь же, в Бески-Юге, рыжий пикап неопределяемой марки и года выпуска глухо урчал. Буги сидела, открыв дверь, на водительском месте и курила. Судя по синякам под глазами, спалось ей тоже несладко. Как и мы с Сабжем, она была одета в темно-зеленый армейский комбинезон. Ничего, кроме оружия и левых документов, ни у кого из нас с собой не было. Все наши вещи остались в номерах.

Я кивнул Сабжу на переднее пассажирское сиденье, а сам забрался назад. Лег, насколько позволяло пространство салона, и мгновенно уснул. На этот раз мне не снилось ничего, и за несколько часов пути до Орлиного Гнезда я более или менее компенсировал гостиничную бессонницу.

Впрочем, несколько раз я просыпался и видел за рулем то Буги, то Сабжа. Вести пикап они мне не предлагали.

За несколько минут до въезда в Орлиное Гнездо я проснулся окончательно. Желтые, сливающиеся с ландшафтом руины городка уже можно было разглядеть в небольшой долине, зажатой между поросшими жестким кустарником холмами. Был полдень, и с безоблачного неба взирало на землю жестокое солнце.

После войны, радикально поменявшей климат всей планеты, здесь всегда стоит засуха. Дождевые тучи доходят до границ мертвой зоны, окружающей Эпицентр кольцом в пять-шесть километров шириной, и проливаются над пограничными городками вроде Бески-Юга. Сюда же дождь заглядывает редко. Лишь осенью безумные шквалы Санта-Берильес приносят непогоду, и тогда тонны воды с неистовой силой обрушиваются на желтую пыль. Такие ливни могут идти по две-три недели подряд и меняют пейзаж до неузнаваемости. Ярость воды срывает одни холмы и возводит другие, уничтожает незащищенные оазисы, создает русла недолговечных рек, чьи обезумевшие потоки сносят все на своем пути. Долина, где расположено Орлиное Гнездо, превращается в мутное озеро, и бурая вода полностью скрывает развалины городка. Многие подобные селения, оказавшиеся после войны в мертвой зоне, давным-давно либо сровняло с землей, либо засыпало наносным песком. Но есть и такие, что торчат гнилыми зубами руин по сей день. Когда сила воды иссякает и яростное солнце, прорвавшись сквозь облачную завесу, превращает вчерашнюю грязь в желтый песок, трудно поверить, что совсем недавно тут бушевал потоп. Его вызывают многочисленные заброшенные шахты, которыми изрыта почва под городком. Когда-то в них добывали йод и насыщенную им соль.

Пикап стоял. Сабж тихо похрапывал, смешно съезжившись на переднем сиденье и упершись ногами в лобовое стекло. Буги стояла спиной к машине чуть в стороне и курила. Яркое солнце прошивало ее густую шевелюру золотыми нитями и окружало всю фигуру ослепительным ореолом. Я невольно подумал, что сейчас она представляет собой отличную мишень, и усмехнулся. Сабж громко всхрапнул и тут же захлопал глазами.

- Приехали? – пробормотал он, обращаясь к пустому водительскому сиденью.
- Почти, – ответил я, – долина прямо под нами.
- Ага, – сказал Сабж, протирая глаза, – а где Буги?
- Вон она, курит.

Сабж повернулся, проследил за моим взглядом и вдруг совершенно спокойно произнес:

– Даже я не промахнулся бы.

– Знаю, Сабж. И она знает. Но я не стану этого делать.

– Почему?

– Ну... Скажем так, не вижу достаточно веских оснований.

Это была неправда. Вернее, не совсем правда. На самом деле я бы и самому себе не смог толком ответить, почему не выстрелил в нее тогда.

– Ясно. – Сабж потянулся, снова огляделся и так, словно мы только что обсудили не самый удачный матч «Буффало Саймс», сказал:

– Тогда дай мне сигарету, Макс. А я попробую разогнуть ноги.

18. Противоречие

Как и большинство субтропических областей планетарного диска, эта в прошлом принадлежала вездесущей Вест-Индской компании. И, как и везде, британское влияние на местный колорит оставило шрамы, нелепые и неуместные. Орлиное Гнездо – яркое тому свидетельство.

Понятия не имею, как оно называлось в довоенные времена. Берусь спорить на кругленькую сумму, что топоним начинался с приставки «New», но если честно, меня это никогда не интересовало. Не потому, что я не любопытен, напротив, меня хлебом не корми, дай покопаться в архивной пыли жуткого прошлого, выродившегося в безумное настоящее. Но руины должны оставаться руинами. И в прямом, и в переносном смысле. А кроме того, среди тех, кто ходит в Эпицентр, есть негласное правило: мы стараемся не привлекать внимания к нашим форпостам и перевалочным базам.

А вот что касается нынешнего названия, «Орлиное Гнездо», то тут все просто. Когда мы обнаружили этот забытый цивилизацией уголок, в нем уцелело всего одно приземистое здание красного кирпича. На его фасаде каким-то чудом удерживались остатки неоновой вывески – «Eagle's Nest». Выглядело здание настолько по-британски, что у меня аж сводило зубы. Казалось, этот кубический монстр с нелепой колоннадой сам приполз сюда с островов Ее Величества. Или его приволокло ледником...

Я всегда испытываю бессильную ярость при виде подобных уродливых свидетельств имперской власти. Какое на хрен орлиное гнездо может быть там, где никто и никогда в глаза не видел орла? Стервятники, грифы, соколы, даже вороны – пожалуйста. Но орлов тут никогда не водилось. Так почему не назвать гостиницу «соколиным», «вороньим» гнездом или «Гнездом Грифа» на худой конец? Но нет, имперское сознание, пройдя сквозь сито веков, как будто само приняло форму куба. Или это римские орлы все еще властвуют над друидскими генами?

Путешествуя по планетарному диску, я завел блокнот и записывал туда все «гнезда», встречавшиеся по пути. Я насчитал ровно 110 орлиных, 62 вороньих и 12 ястребиных.

Бальзамом на сердце пролился неон вывески «Гнездо канарейки» в Портсмуте. Так называлась невзрачная закусовая, за стойкой которой стояла аппетитная дочка хозяйки, вызвавшая у меня куда большее слюноотделение, нежели местное скудное меню. А в Вально выбила скупую мужскую слезу вывеска «Гнездо Носорога» над огромным автосалоном. Но эти исключения только подтверждают правило.

Нет, я не имею ничего против Туманного Альбиона. Я люблю Лондон, а в Лидсе прожил почти год. Даже прогулялся босиком по зебре пешеходного перехода знаменитой аббатской дороги.

Но я ненавижу Вест-Индскую компанию и всех ее сестер и братьев, какие бы имена они ни носили.

И дело здесь не в расовых и национальных предрассудках или территориальных претензиях – это всего лишь лозунги для прыщавых юнцов, спасающихся от перхоти, выбривая головы наголо. Но именно такими лозунгами прикрывался монстр, вытоптавший планетарный диск коваными армейскими сапогами, мягкими мокасинами проповедников, траками бронетехники и инверсионными следами трансатлантических авиалайнеров. Прикрывался, чтобы делать свое дело за счет всеобщей мобилизации, уличных банд всевозможного покрова и фасона, разнокалиберных конфессиональных общин, землячеств и диаспор. Не верьте тому, кто скажет, что имя этому монстру – деньги. Они – лишь одно из его орудий, наряду с жаждой наживы и власти, равнодушием, властолюбием, прыщавой наивностью бритоголовых неонацистов и фанатичной верой преподобных святых отцов. Говорят еще, что имя ему

– Легион. Я же считаю, что имя ему – человек. Прекрасный и ужасный, как никто другой, близкий к Богу и неизмеримо далеко отошедший от Него.

Основной парадокс человечества в том, что мы, люди, сочетаем в себе тягу разрушать и стремление создавать. В нас воистину сошлись божественное и дьявольское. Нам не чужды понятия: добро, красота, вера, свобода, соучастие. Память. Умение восхищаться. Стремление сохранить. И хрен его знает, каким образом мы умудряемся сочетать в себе противоположное. Я ведь и сам создавал и уничтожал, убивал и радовался рождению, спасал и равнодушно отворачивался, крал и дарил, верил и сомневался, восхищался и цинично насмехался. Объяснить этого я не могу, но прихожу к выводу, что главное в человеке – противоречие.

Помните, я говорил об истинах, которые навязли у нас в зубах. Может, и у вас тоже, я не в курсе... Так вот, человек умудряется противоречить этим истинам всем своим существованием. Как хотите, так и понимайте...

* * *

Буги докурила, отбросила окурок в сторону и молча вернулась в машину. Пикап, глухо урча, скатился по осыпающемуся склону холма и въехал под сень руин уничтоженного войной города. Одного из многих сотен подобных ему. Может быть, даже из тысяч.

– Обожаю такие городки, – вздохнул Сабж, – их ни с чем не сравнимый провинциальный колорит и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.